

Генри Райдер Хаггард

Лейденская красавица



Генри Райдер Хаггард
Лейденская красавица

«Public Domain»

1901

Хаггард Г.

Лейденская красавица / Г. Хаггард — «Public Domain», 1901

«Описываемое нами относится к 1544 году или около того, когда император Карл V правил в Нидерландах, а место действия – город Лейден.Посетивший этот город знает, что он лежит среди обширных ровных лугов и что его пересекает множество каналов, наполненных водой Рейна. Теперь же, зимой, около Рождества, луга и высокие остроконечные крыши городских строений были покрыты ослепительным снежным покровом; на каналах вместо лодок и барок скользили во всех направлениях конькобежцы по замерзшей поверхности, разметенной для их удобства. За городскими стенами, недалеко от Моршевых ворот, поверхность широкого рва, окружавшего город, представляла оживленное и красивое зрелище. Именно здесь один из рейнских рукавов впадал в ров и по нему съезжали катающиеся в санях, бежали конькобежцы и шли гуляющие. Большинство было одето в свои лучшие наряды, так как в этот день предполагалось устройство карнавала на льду с бегом на призы в санях и на коньках и другими играми...»

Содержание

Книга первая. Посев	6
Глава I. «Волк» и «барсук»	6
Глава II. Долг платежом красен	14
Глава III. Монтальво выигрывает	21
Глава IV. Три пробуждения	27
Глава V. Сон Дирка	35
Глава VI. Лизбета выходит замуж	43
Глава VII. К Гендрику Бранту приходит гостья	51
Глава VIII. Стоило Кобылы	57
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Генри Райдер Хаггард Лейденская красавица

*** * ***

Книга первая. Посев

Глава I. «Волк» и «барсук»

Описываемое нами относится к 1544 году или около того, когда император Карл V правил в Нидерландах, а место действия – город Лейден.

Посетивший этот город знает, что он лежит среди обширных ровных лугов и что его пересекает множество каналов, наполненных водой Рейна. Теперь же, зимой, около Рождества, луга и высокие остроконечные крыши городских строений были покрыты ослепительным снежным покровом; на каналах вместо лодок и барок скользили во всех направлениях конькобежцы по замерзшей поверхности, разметенной для их удобства. За городскими стенами, недалеко от Моршевых ворот, поверхность широкого рва, окружавшего город, представляла оживленное и красивое зрелище. Именно здесь один из рейнских рукавов впадал в ров и по нему съезжали катающиеся в санях, бежали конькобежцы и шли гуляющие. Большинство было одето в свои лучшие наряды, так как в этот день предполагалось устройство карнавала на льду с бегом на призы в санях и на коньках и другими играми.

Среди молодежи выделялась молодая особа лет двадцати трех в темно-зеленой суконной шубе, опушенной мехом и плотно обхватывавшей талию. Спереди шуба раскрывалась на вышитую шерстяную юбку, но на груди она была плотно застегнута и у шеи заканчивалась голубой пloidкой из брюссельского кружева. На голове у молодой девушки была высокая войлочная шляпа с эгретом из страусовых перьев, прикрепленных пряжкой из драгоценных камней такой ценности, что ее одной было бы достаточно, чтобы указать на принадлежность молодой девушки к богатой семье. Действительно, Лизбета была единственной дочерью корабельного капитана и собственника Каролуса ван-Хаута, умершего в среднем возрасте год назад и оставившего своей наследнице очень значительное состояние. Это обстоятельство в соединении с хорошеньким личиком, оживленным парой глубоких задумчивых глаз и фигурой более грациозной, чем у большинства нидерландских женщин, приобрело Лизбете ван-Хаут много поклонников, особенно среди лейденской холостой молодежи.

На этот раз Лизбета отправилась кататься на коньках одна, взяв с собой только одну спутницу – свою служанку, намного старше ее, уроженку Брюсселя по имени Грета, привлекательную по наружности и крайне скромную по манерам.

Когда Лизбета скользила по каналу, направляясь ко рву, многие из известных лейденских бюргеров, особенно из молодежи, снимали перед ней шапки: некоторые из этих молодых людей надеялись, что она выберет их себе в кавалеры на сегодняшней праздник. Несколько бюргеров из числа более пожилых предложили ей присоединиться к их семьям, предполагая, что она как сирота, не имеющая близких родственников – мужчин, будет рада их покровительству в такие времена, когда благоразумие заставляло красивую молодую девушку искать чьего-нибудь покровительства. Но Лизбете удалось под разными предлогами отделаться ото всех: у нее был в голове собственный план.

В это время жил в Лейдене молодой человек двадцати четырех лет по имени Дирк ван-Гоорль, дальний родственник Лизбеты. Он происходил из небольшого городка Алькмаара и был вторым сыном одного из самых влиятельных местных горожан – меднолитейщика по профессии. Так как дело должно было перейти к старшему сыну, то отец поместил Дирка учеником в одну из лейденских фирм, в которой он после восьми или девяти лет прилежной работы сделался младшим компаньоном. Отец Лизбеты полюбил молодого человека, и последний скоро стал своим в доме, где был сначала принят как родственник. После смерти Каролуса ван-Хаута Дирк продолжал бывать по воскресеньям у его дочери, когда его с подобающими церемони-

ями принимала тетка Лизбеты, бездетная вдова по имени Клара ван-Зиль, ее опекунша. Таким образом, благоприятные обстоятельства способствовали тому, что молодых людей связывала прочная привязанность, хотя до сих пор они еще не были женихом и невестой и даже слово «любовь» не было произнесено между ними.

Эта сдержанность может показаться странной, но объяснением ее отчасти служил характер Дирка. Он был очень терпелив, не сразу принимал решение, но, приняв его, уже выполнял наверняка. Точно так же, как другие люди, он чувствовал порывы страсти, но не поддавался им. Уже больше двух лет Дирк любил Лизбету, но, не умея быстро читать в женском сердце, он не был вполне уверен, отвечает ли она на его чувство, и больше всего на свете боялся отказа. К тому же он знал, что девушка богата, его же собственные средства невелики, а от отца ему нельзя ожидать многого, и поэтому он не решался сделать предложение прежде, чем приобретет более обеспеченное положение. Если бы капитан ван-Хаут был жив, то дело устроилось бы иначе, так как Дирк обратился бы прямо к нему; но он умер, и молодой человек при своей чувствительной, благородной натуре содрогался от одной мысли, чтобы могли сказать, что он воспользовался неопытностью родственницы для приобретения ее состояния. Кроме того, в глубине души у него таилась еще более серьезная причина к сдержанности, но об этом мы скажем ниже.

Таковы были отношения между молодыми людьми. В описываемый же нами день Дирк, после долгого колебания и ободряемый самой молодой девушкой, попросил у Лиз-беты позволения быть ее кавалером во время праздника на льду и, получив ее согласие, ждал ее у рва. Лизбета надеялась на несколько большее: она желала, чтобы он проводил ее по городу, но когда она намекнула на это, Дирк объяснил, что ему нельзя будет освободиться раньше трех часов, так как на заводе отливался большой колокол, и он должен был дожидаться, пока сплав остынет.

Итак, сопровождаемая только Гретой, Лизбета, легкая, как птичка, скользила по льду рва, направляясь к замерзшему озеру, где должен был происходить праздник. Здесь представлялось красивое зрелище.

Позади виднелись остроконечные живописные покрытые слоем снега крыши Лейдена с возвышающимися над ними куполами двух больших церквей – святого Петра и святого Панкратия – и круглой башней «бургом», стоящей на холме и выстроенной, как предполагают, римлянами. Впереди простирались обширные луга, покрытые белым покровом, с возвышающимися на них ветряными мельницами, с узким корпусом и тонкими длинными крыльями, а вдали виднелись церковные башни других селений и городов.

В самой непосредственной близости, составляя резкий контраст с безжизненным пейзажем, расстилалось кишевшее народом озерко, окруженное по краям каймой высохших камышей, стоявших так неподвижно в морозном воздухе, что они казались нарисованными. На этом озерке собралась едва ли не половина всего населения Лейдена. Тысячи людей двигались взад и вперед с веселыми возгласами и смехом, напоминая своими яркими нарядами стаи пестрых птиц. Среди конькобежцев скользили плетевые и деревянные сани на железных полозьях с передками, вырезанными в форме собачьих, бычьих или тритоновых голов, запряженные лошадьми в сбруе, увешанной бубенчиками. Тут же сновали продавцы пирогов, сладостей и спиртных напитков, хорошо торговавшие в этот день. Немало нищих и в числе их уродов, которых в наше время призревали бы в приютах, сидели в деревянных ящиках, медленно их передвигая костылями. Многие конькобежцы запаслись стульями, предлагая их дамам на то время, пока они привяжут коньки к своим хорошеньким ножкам, и тут же сновали торговцы с коньками и ремнями для их укрепления. Картину завершал огненный шар солнца спускавшийся на запад, между тем как на противоположной стороне начинал обрисовываться бледный диск полного месяца.

Зрелище было так красиво и оживленно, что Лизбета, которая была молода и теперь, оправившись от своего горя по умершему отцу, весело смотрела на жизнь, невольно остано-

лась на минуту в своем беге, любуясь картиной. В ту минуту как она стояла несколько поодаль, от толпы отделилась женщина и подошла к ней, будто не нарочно, но скорее случайно, как игрушечный кораблик, вертящийся на поверхности пруда.

Это была замечательная по своей наружности женщина лет тридцати пяти, высокая и широкоплечая, с глубоко запавшими серыми глазами, временами вспыхивавшими, а затем снова потухавшими, как бы от большого страха. Из-под грубого шерстяного капора прядь седых волос спускалась на лоб, как челка у лошади, а выдающиеся скулы, все в шрамах, точно от ожогов, широкие ноздри и выдающиеся вперед белые зубы, странно выступавшие из-под губ, придавали всей ее физиономии удивительное сходство с лошадиной мордой. Костюм женщины состоял из черной шерстяной юбки, запачканной и разорванной, и деревянных башмаков с привязанными к ним непарными коньками, из которых один был гораздо длиннее другого. Поравнявшись с Лизбетой, странная личность остановилась, смотря на нее задумчиво. Вдруг, будто узнав девушку, она заговорила быстрым шепотом, как человек, живущий в постоянном страхе, что его подслушивают:

– Какая ты нарядная, дочь ван-Хаута! О, я знаю тебя: твой отец играл со мной, когда я была еще ребенком, и раз, на таком же празднике, как сегодня, он поцеловал меня. Подумай только! Поцеловал меня, Марту-Кобылу! – Она захохотала хриплым смехом и продолжала:

– Да, ты тепло одета и сыта и, конечно, ждешь возлюбленного, который поцелует тебя. – При этих словах она обернулась к толпе и указала на нее жестом: – И все они тепло одеты и сыты; у всех у них есть возлюбленные, и мужья, и дети, которых они целуют. Но я скажу тебе, дочь ван-Хаута, я отважилась вылезти из своей норы на большом озере, чтобы предупредить всех, кто захочет слушать, что если они не прогонят проклятых испанцев, то наступит день, когда жители Лейдена будут гибнуть тысячами от голода в стенах города. Да, если не прогонят проклятого испанца и его инквизицию! Да, я знаю его! Не они ли заставили меня нести мужа на своих плечах к костру? А слышала ли ты, дочь ван-Хаута, почему? Потому что все пытки, которые я перенесла, сделали мое красивое лицо похожим на лошадиную морду, и они объявили, что «лошадь создана для того, чтобы на ней ездили верхом».

В то время как бедная взволнованная женщина – одна из целого класса тех несчастных, что бродили в это печальное время по всем Нидерландам, подавленные своим горем и страданиями, не имея другой мысли, кроме мысли о мести, – говорила все это, Лизбета в ужасе пятилась от нее. Но женщина снова придвинулась к ней, и Лизбета увидела, что выражение ненависти и злобы вдруг сменилось на ее лице выражением ужаса, и в следующую минуту, пробормотав что-то о милостыне, которую она может прозевать, женщина повернулась и побежала прочь так скоро, как позволяли ей ее коньки.

Обернувшись, чтобы посмотреть, что испугало Марту, Лизбета увидела за оголенным кустом на берегу пруда, но так близко от себя, что каждое ее слово могло быть слышно, высокую женщину несимпатичной наружности, державшую в руках несколько шитых шапок, будто для продажи. Она начала медленно разбирать эти шапки и укладывать в мешок, висевший у нее за плечами. Во все это время она не спускала проницательного взгляда с Лизбеты, отводя его только, чтобы следить за быстро удалявшейся Мартой.

– Плохие у вас знакомства, сударыня, – заговорила торговка хриплым голосом.

– Это была вовсе не моя знакомая, – отвечала Лизбета, сама удивляясь, что вступает в разговор.

– Тем лучше, хотя, по-видимому, она знает вас и знает, что вы станете слушать ее песни. Если только мои глаза не обманывают меня – это бывает не часто, – эта женщина злодейка и колдунья, так же как и ее умерший муж, ван-Мейден, еретик, хулитель святой Церкви, изменник императору, и, насколько я знаю, она одна из тех, головы которых оценены, и скоро денежки попадут в мешок Черной Мег.

Сказав это, черноглазая торговка медленным твердым шагом направилась к толстяку, по-видимому, ожидавшему ее, и вместе с ним смешалась с толпой, где Лизбета потеряла их из виду.

Смотря им вслед, Лизбета содрогнулась. Насколько она помнила, она никогда не встречалась с этой женщиной прежде, но она настолько была знакома с временем, в котором жила, что сразу узнала в ней шпионку инквизиции. Подобные личности, которым платили за указание подозрительных еретиков, постоянно вмешивались в толпу и даже втирались в частные дома.

Что же касается другой женщины, прозванной Кобылой, то, без сомнения, она была одна из тех отверженных, проклятых Богом и людьми созданий, называемых еретиками, из тех, что говорят ужасные вещи про Церковь и ее служителей, введенные в заблуждение и подстрекаемые дьяволом в образе человеческом – неким Лютером. При этой мысли Лизбета содрогнулась и перекрестилась, так как в это время она была еще ревностной католичкой. Бродяга сказала ей, что знала ее отца, следовательно, она была такого же благородного происхождения, как сама Лизбета, – и вдруг такой ужас... Молодой девушке страшно было вспомнить об этом... Но, конечно, еретики заслуживают такого отношения к себе – в этом не могло быть сомнения; ведь сам ее духовник сказал ей, что только таким образом их души можно вырвать из когтей дьявола.

В этой мысли было много утешительного, однако Лизбета чувствовала себя расстроенной и немало обрадовалась, увидев Дирка ван-Гоорля, бежавшего ей навстречу вместе с другим молодым человеком – также ее родственником с материнской стороны – Питером ван-де Верфом, которому впоследствии суждено было стяжать себе бессмертную славу. Они поклонились, сняв шапки, при этом оказалось, что Дирк – блондин с густыми волосами, из-под которых светились голубые глаза на спокойном лице с немного грубоватыми чертами. Лизбета, всегда несколько несдержанная, была недовольна и высказала это.

– Мне казалось, что мы сговорились встретиться в три, а часы уже пробили половину четвертого, – сказала она, обращаясь к обоим молодым людям, но смотря – и не особенно нежно – на ван-Гоорля.

– Я не виноват, – отвечал ей Дирк своим медленным, тягучим говором, – у меня было дело. Я обещал дождаться, пока металл достаточно остынет, а горячей бронзы дела нет до катанья на коньках и санных бегов.

– Стало быть, вы остались, чтобы дуть на нее? Прекрасно, а результат тот, что мне пришлось идти одной и выслушивать такие вещи, каких я вовсе не желала бы.

– Что вы хотите сказать этим? – спросил Дирк, сразу оставив свой хладнокровный тон.

Лизбета сообщила, что ей сказала женщина по прозвищу Кобыла, и прибавила:

– Вероятно, бедняга еретичка и заслужила все то, что произошло с ней, но все же это очень грустно, я же пришла сюда, чтобы веселиться, а не печалиться.

Молодые люди обменялись многозначительным взглядом, заговорил же Дирк, между тем как Питер, более осторожный, молчал.

– Почему вы говорите это, кузина Лизбета? Почему вы думаете, что она заслужила все, случившееся с ней? Я слышал об этой несчастной Марте, хотя сам не видал ее. Она благородного происхождения – гораздо более знатного, чем все мы трое – и была очень красива, так что ее звали Лиливией Брюсселя, когда она была фрау ван-Мейден. Она перенесла ужасные страдания только за то, что не молится Богу так, как молитесь Ему вы.

– Вы не зябнете, стоя на одном месте? – прервал Питер ван-де-Верф, не дав Лизбете ответить. – Смотрите, начинается бег в санях. Кузина, дайте руку, – и, взяв девушку под руку, он побежал с ней по рву. Дирк и Грета последовали на некотором расстоянии.

– Я занял не свое место, – шепотом заговорил Питер, не останавливаясь, – но прошу вас, если вы любите его... простите, – если вы жалеете преданного родственника, то не входите с

ним в религиозные рассуждения здесь, в общественном месте, где даже у льда и неба есть уши. Надо быть осторожной, кузиночка! Уверяю вас, надо остерегаться.

В центре озера начиналось главное событие дня – бег в санях. Так как желающих принять участие было много, то они разделились на партии, и победители каждой партии становились на одну сторону, ожидая окончательного состязания. Этим победителям предоставлялось преимущество, похожее на то, которое иногда предоставляется некоторым танцорам в современном котильоне. Каждый управляющий санями должен был везти кого-нибудь на маленьком плетеном сиденье впереди себя, между тем как он сам стоял за запяточках позади, откуда и управлял лошадьми посредством вожжей, проведенных через железную подставку так, что они приходились над головой сидящего в санях. В пассажиры себе победитель мог выбирать из числа дам, присутствовавших на бегах, если только сопровождавшие их кавалеры не выражали формального протеста.

Среди победителей был молодой испанский офицер, граф дон Жуан де Монтальво, исправлявший в настоящее время должность находившегося в отпуске начальника лейденского гарнизона. Это был еще молодой человек лет тридцати, знатный по происхождению, красивого кастильского типа, т. е. высокий, грациозный, с темными глазами, резкими чертами лица, имевшими несколько насмешливое выражение, и хорошими, хотя немного натянутыми, манерами. Он еще недавно приехал в Лейден, и потому там об этом привлекательном кавалере знали мало, кроме того, что духовенство отзывалось о нем хорошо и называло его любимцем императора. Все же дамы восхищались им.

Как и можно было ожидать от человека настолько же богатого, как и знатного, все принадлежавшее графу носило отпечаток такого же изящества, как и он сам.

Так, сани его по форме и окраске изображали черного волка, готового броситься на добычу. Деревянную голову покрывала волчья шкура, и украшали ее желтые стеклянные глаза и клыки из слоновой кости, между тем как на шее был надет золоченый ошейник с серебряной бляхой и изображением на ней герба владельца – рыцаря, снимающего цепи с пленного христианского святого, и девизом рода Монтальво: «Вверься Богу и мне». Вороной конь, вывезенный из Испании, лоснился под золоченой сбруей, а на голове его возвышался роскошный плюмаж из разноцветных перьев.

Лизбета стояла случайно около того места, где кавалер остановился после своей первой победы. Она была одна с Дирком ван-Гоорлем, так как Питера ван-де-Верфа, принимавшего участие в беге, отозвали в эту минуту. От нечего делать она подошла поближе и, весьма естественно, залюбовалась блестящей запряжкой, хотя, правда, ее интересовали гораздо больше сани и лошадь, чем управлявший санями. Графа она знала в лицо: он был представлен ей и танцевал с ней на балу у одного из городских вельмож. Граф тогда отнесся к ней с любезностью на испанский лад, по ее мнению, преувеличенной; но так как все кастильские кавалеры держали себя так с бюргерскими девушками, то она и оставила это без дальнейшего внимания.

Капитан Монтальво увидел Лизбету на льду и, узнав ее, приподнял шляпу, кланяясь с тем оттенком снисхождения, которое в те дни проявляли испанцы при встрече с людьми, которых считали ниже себя. В шестнадцатом столетии все, не имевшие счастья родиться в Испании, считались низшими; исключение делалось только для англичан, умевших заставить признавать свое достоинство.

Около часа спустя, когда окончился бег последней партии, распорядитель громко объявил оставшимся соперникам, чтобы они выбирали себе дам и готовились к последнему состязанию. Каждый из кавалеров, передав лошадь конюху, подходил к молодой особе, очевидно ожидавшей его, и, взяв ее за руку, подводил к саням. Лизбета с любопытством следила за этой церемонией, так как само собой разумелось, что выбор обуславливался предпочтением, оказываемым избирателем избираемой, как вдруг была удивлена, услышав свое имя. Подняв голову, она увидела перед собой дон Жуана де Монтальво, который кланялся ей чуть не до самого льда.

– Сеньора, – сказал он на кастильском наречии, которое Лизбета понимала, хотя сама говорила на нем только в случаях крайней необходимости, – если мои уши не обманули меня, я слышал, как вы похвалили мою лошадь и сани. С разрешения вашего кавалера, – и он вежливо поклонился Дирку, – я приглашаю вас быть моей дамой в решительном беге, зная, что это принесет мне счастье. Вы разрешаете, сеньор?

Если и был народ, ненавистный Дирку, то это были испанцы, и если был кто-либо, с кем он не желал бы отпустить Лизбету на катанье вдвоем, то это был граф дон Жуан де Монтальво. Но Дирк обладал замечательной сдержанностью и так легко конфузился, что ловкому человеку ничего не стоило заставить его сказать то, чего он вовсе не намеревался. Так и теперь, видя, как этот знатный испанец раскланивается перед ним, скромным голландским купцом, он совершенно растерялся и пробормотал:

– Конечно, конечно.

Если бы взгляд мог уничтожить человека, то Дирк моментально превратился бы в ничто, так как сказать, что Лизбета рассердилась, было бы мало: она буквально была взбешена. Она не любила этого испанца, и ей невыносима была мысль о долгом пребывании с ним наедине. Кроме того, она знала, что ее сограждане вовсе не желают, чтобы в этом состязании, составлявшем годовое событие, победа осталась за графом, и ее появление в его санях могло быть истолковано как желание с ее стороны видеть его победителем. Наконец – и это причиняло ей больше всего досады, – хотя соревнователи и имели право приглашать в свои сани кого им вздумается, но обыкновенно их выбор останавливался на дамах, с которыми они были близко знакомы и которых заранее предупреждали о своем намерении.

В минуту эти мысли пронеслись в уме молодой девушки, но она только проговорила что-то о господине ван-Гоорле.

– Он совершенно бескорыстно дал свое согласие, – прервал ее капитан Жуан, предлагая ей руку.

Не делая сцены – что дамы считали неприличным тогда, как считают и теперь, – не было возможности отказать на глазах половины жителей Лейдена, собравшихся посмотреть на «выбор». Скрепя сердце Лизбета взяла предлагаемую руку и пошла к саням, уловив по дороге не один косой взгляд со стороны мужчин и не одно восклицание действительного или притворного удивления со стороны знакомых дам...

Эти выражения враждебности заставили ее овладеть собой. Решившись, по крайней мере, не казаться надутой и смешной, она сама мало-помалу начала входить в роль и мило-стиво улыбнулась, когда капитан Монтальво стал закутывать ей ноги великолепной медвежьей полостью.

Когда все было готово, Монтальво взял вожжи и сел на маленькое сиденье позади, а слуга-солдат вывел лошадь под уздцы на линию.

– Сеньор, где назначен бег? – спросила Лизбета, надеясь в душе, что дистанция назначена небольшая.

Но ей пришлось разочароваться, так как Монтальво отвечал:

– Сначала к Малому Кваркельскому озеру, кругом острова на нем, потом обратно сюда – всего около мили. А теперь, сеньора, прошу вас не говорить со мной; держитесь крепко и не бойтесь: я хорошо правлю, у моей же лошади нога твердая, и она подкована для льда. Я дал бы сотню золотых, чтобы выиграть на этот раз, так как ваши соотечественники клялись, что я проиграю, и, поверьте мне, борьба с этим серым рысаком будет не легкая.

Следуя направлению взгляда испанца, глаза Лизбеты остановились на санях, стоявших рядом. Это были маленькие саночки, по форме и окраске представлявшие серого барсука – это молчаливое, упрямое и при случае свирепое животное, не выпускающее свою добычу прежде, чем голова отделится от туловища. Лошадь, подходившая по цвету к экипажу, была фламандской породы, широкая в кости, с широким задом и некрасивой головой, но известная в Лейдене

своей смелостью и выносливостью. Особенный же интерес пробудило в Лизбете открытие, что возница был не кто иной, как Питер ван-де-Верф, и она теперь вспомнила, что он называл свои сани «барсуком». Не без улыбки она заметила также, что он выказал свой осторожный характер в выборе своей дамы, пренебрегая каким бы то ни было мимолетным успехом, пока не достигнута главная цель: в его санях сидела не изящная, нарядная дама, про которую можно бы предположить, что она смотрит на него нежными глазами, а белокурая девятилетняя девочка – его сестра. Как он объяснил после, правилами предписывалось, чтобы в санях сидела женщина, но ничего не упоминалось о ее возрасте и весе.

Все соперники, числом девять, выстроились в одну линию, и распорядитель бега, выйдя вперед, громким голосом провозгласил условия бега и награду – великолепный хрустальный кубок, украшенный гербом Лейдена. После этого, спросив, все ли готовы, он опустил маленький флаг, и лошади понеслись.

В первую минуту Лизбета, забыв все свои сомнения и свою досаду, вся предалась волнению минуты. Рассекая как птица холодный застывший воздух, они скользили по гладкому льду. Веселая толпа осталась позади, сухие камыши и оголенные кусты, казалось, убежали от них. Единственным звуком, отдававшимся в их ушах, был свист ветра, визг железных подрезов и глухой стук лошадиных копыт. Некоторые сани выдвинулись вперед, но «волка» и «барсука» не было между ними. Граф Монтальво сдерживал своего вороного, и серый фламандец бежал растянутой некрасивой рысью. Выхав из небольшого озера на канал, сани обоих занимали четвертое и пятое место. Они ехали по пустынной снежной равнине, миновав село Алькемаде с его церковью. В полумиле впереди виднелось Кваркельское озеро, а посередине его остров, который надо было обогнуть. Они доехали до него, обогнули и, когда снова повернули к городу, Лизбета заметила, что «волк» и «барсук» заняли уже третье и четвертое место в беге, а прочие сани отстали. Еще через полмили они выдвинулись на второе и третье место, а когда до цели оставалась всего миля, они были уже первыми и вторыми. Тут началась борьба.

С каждой саженью быстрота увеличивалась, и все больше и больше выдвигался вперед вороной жеребец. Теперь соперникам предстояло перебежать пространство, покрытое неровным льдом и глыбами замерзшего снега, которые не были удалены, и сани прыгали и качались из стороны в сторону. Лизбета оглянулась.

– «Барсук» нагоняет нас, – сказала она. Монтальво слышал и в первый раз коснулся бичом коня; тот рванулся вперед, но «барсук» не отставал. Серый рысак был силен и напрягал свои силы. Его некрасивая голова пододвинулась вплотную к саням, в которых сидела Лизбета. Девушка чувствовала ее горячее дыхание и видела пар, выходивший из ноздрей.

В следующую минуту серый начал обгонять их, так как пар уже несся Лизбете в лицо, и она увидела широко раскрытые глаза девочки, сидевшей в серых санях. Когда кончилось неровное пространство, обе лошади шли шея в шею. До цели оставалось не более шестисот ярдов, и кругом за линией бега уже теснилась толпа конькобежцев, катавшихся так быстро и усердно, что наклоненные вперед головы не больше как на три фута не касались льда.

Ван-де-Верф крикнул на своего серого, и он начал забирать вперед. Монтальво снова ожег ударом бича вороного и снова обогнал «барсука». Но вороной, видимо, слабел, и это не укрылось от его хозяина, так как Лизбета услышала, что он выругался по-испански. Затем вдруг, бросив искоса взгляд на своего противника, граф тронул левую вожжу, и в воздухе раздался резкий голос маленькой девочки из других саней:

– Братец, берегись! Он опрокинет нас.

Действительно, еще секунда, и вороной толкнул бы боком серого... Лизбета увидела, как ван-де-Верф поднялся со своего сиденья и, откинувшись назад, осадил свою лошадь. «Волк» пролетел мимо не больше как в нескольких дюймах, однако оглобля вороного задела за передок «барсука», и отскочивший кусок дерева порезал ему ноздрю.

– Сумасшедший! – раздался крик из толпы конькобежцев, но сани уже неслись дальше. Теперь вороной был ярдов на десять в выигрыше, так как серому пришлось потерять несколько секунд, чтобы выехать на прямую дорогу. Сотни глаз следили за бегом, и у всех присутствующих, как у одного человека, вырвался крик:

– Испанец побеждает!

Ответом ему был глухой ропот, прокатившийся по толпе:

– Нет, голландец! Голландец забирает вперед!

Среди этого крайнего возбуждения, а может быть, как следствие этого самого возбуждения в уме Лизбеты произошло нечто странное. Бег, его подробности, все окружающее исчезли, действительность сменилась сном, видением, может быть, навеянным всеми впечатлениями того времени, в которое Лизбета жила. Что она видела в эту минуту?

Она видела, что испанец и голландец борются из-за победы, но не из-за победы на бегах. Она видела, как черный испанский «волк» одолевает нидерландского «барсука», но «барсук», упрямый «барсук» еще держался.

Кто победит? Горячее или терпеливое животное?

Борьба ведется смертельная. Весь снег кругом покраснел, крыши Лейдена были красные, так же как небо; при густом свете заката все казалось залитым кровью, между тем как крики окружающей толпы превратились в яростные крики сражающихся. В этих криках слилось все: надежда, отчаяние, агония, но Лизбета не могла понять их значения. Что-то подсказывало ей, что объяснение и исход всего этого знал один Бог.

Быть может, она на минуту потеряла сознание под влиянием резкого ветра, свистевшего у нее в ушах, быть может, заснула и видела сон? Как бы то ни было, ее глаза сомкнулись, и она забылась. Когда она пришла в себя и оглянулась, сани их уже были близки к призовому столбу, но впереди их неслись другие сани, запряженные некрасивым серым рысаком, скакавшим так, что его брюхо, казалось, лежало на земле, а в санях стоял молодой человек с лицом, будто отлитым из стали, и плотно сжатыми губами.

«Неужели это лицо двоюродного брата Питера ван-де-Верфа, и если это он, то какая страсть наложила на него такую печать?»

Лизбета повернулась и взглянула на того, в чьих санях ехала.

Был ли это человек или дух, вырвавшийся из преисподней? Матерь Божия!.. Какое у него было лицо! Глаза остановились и выкатились из орбит, так что видны были одни белки; губы полуоткрылись, и между ними сверкали два ряда ослепительных зубов; приподнявшиеся концы усов касались выдавшихся скул. Нет, она не знала, что это, то был не дух, не человек, то было живое воплощение испанского «волка».

Ей показалось, что она опять готова лишиться чувств, когда в ее ушах раздался крик: «Голландец перегнал! Проклятый испанец побежден!»

Тут Лизбета поняла, что все кончено, и в третий раз потеряла сознание.

Глава II. Долг платежом красен

Когда Лизбета пришла в себя, она увидела, что все еще сидит в санях, отъехавших несколько от толпы, продолжавшей неистово приветствовать победителя. Рядом с «волком» другие простые сани, запряженные неуклюжей фламандской лошастью. За кучера в них был испанский солдат, а другой испанец, по-видимому сержант, сидел в санях. Кроме них никого не было поблизости: народ в Голландии уже научился держаться в почтительном отдалении от испанских солдат.

– Если вашему сиятельству угодно будет поехать туда теперь, то все можно уладить без дальнейших хлопот, – сказал сержант.

– Где она? – спросил Монтальво.

– Не дальше мили отсюда.

– Привяжите ее на снегу до завтрашнего утра. Лошадь моя устала, и мы не станем утомлять ее больше, – начал было граф, но, оглянувшись на толпу позади, а потом на Лизбету, прибавил, – впрочем, нет, я приеду.

Может быть, граф не желал слышать соболезнований по поводу постигшей его неудачи или желал продолжить *tete-a-tete* со своей красивой дамой. Как бы то ни было, он без малейшего колебания хлестнул свою лошадь бичом, и она пошла, хотя и не совсем свободно, но все же порядочной рысью.

– Сеньор, куда мы едем? – спросила Лизбета в испуге. – Бег кончен, я должна вернуться к своим.

– Ваши заняты поздравлением победителя, – отвечал Монтальво своим вкрадчивым голосом, – и я не могу оставить вас одну на льду. Не беспокойтесь, мне надо съездить по одному делу, которое займет у меня не больше четверти часа времени. – И он снова хлестнул коня, побуждая его идти скорее.

Лизбета собралась протестовать, даже думала было выпрыгнуть из саней, но, в конце концов, ничего не сделала. Она рассудила, что покажется гораздо естественней и менее странно, если она будет продолжать катанье со своим кавалером, чем если станет пытаться бежать от него. Лизбета была уверена, что Монтальво не выпустит ее по одной только ее просьбе: что-то в его манере подсказывало ей это; и хотя ей вовсе не хотелось оставаться в его обществе, все же это было лучше, чем стать смешной в глазах половины лейденского населения. К тому же она не была виновата, что попала в такое положение, виной всему был Дирк ван-Гоорль, который должен был бы подойти, чтобы высадить ее из саней.

Когда они поехали по замерзшему крепостному рву, Монтальво наклонился вперед и начал вспоминать о беге, выражая сожаление, что проиграл, но без заметного озлобления. «Неужели это тот самый человек, который пытался так хладнокровно опрокинуть противника, не рассуждая, что это нечестно, и не думая о том, что тут можно было человека убить? Неужели это тот самый человек, у которого лицо сейчас было, как у дьявола? И случилось ли все это в действительности, или, быть может, это только плод ее воображения, смущенного быстротой и возбуждением бега?» Без сомнения, она не все время была в полном сознании, так как никак не могла припомнить, чем действительно окончился бег и как они выехали из окружавшей их кричавшей толпы.

Между тем как она раздумывала обо всем этом, время от времени отвечая односложно Монтальво, сани, ехавшие впереди, завернув за один из восточных бастионов, остановились. Местность кругом была пустынная и унылая: по случаю мирного времени на крепостных стенах не было часовых, и на всей обширной снежной равнине за крепостным рвом не видно было ни одной живой души. Сначала Лизбета вообще не могла ничего разглядеть, так как солнце

зашло, и ее глаза еще не привыкли к лунному свету. Но через несколько минут она увидела кучку людей на льду одного из выгибов рва, полускрытую рядом засохшего камыша.

Монтальво также увидел людей и остановил лошадь в трех шагах от них. Людей было всего пятеро – три испанских солдата и две женщины. Лизбета взглянула и с трудом сдержала крик ужаса, так как узнала женщин. Высокая темная фигура с пронзительными глазами была не кто иная, как торговка шапками, испанская шпионка Черная Мег. А в той, которая скорчившись, лежала на льду с руками, связанными назад, с седыми волосами, распущенными чьей-нибудь грубой рукой и разметавшимися по снегу, Лизбета узнала женщину, называвшую себя «Мартой-Кобылой», сказавшую ей ранее, что знала ее отца, и проклинавшую испанцев с их инквизицией. Зачем они здесь? Тотчас же в ее голове нашелся ответ: она вспомнила слова Черной Мег, что голова этой еретички оценена в известную сумму, которая еще сегодня будет у нее в кармане. Зачем это перед арестованной во льду прорубили четырехугольную прорубь? Неужели?.. Нет, это было бы слишком ужасно.

– Ну, в чем дело, объясните, – обратился Монтальво к сержанту спокойным утомленным голосом.

– Дело очень простое, ваше сиятельство, – отвечал сержант. – Эта женщина, – он указал на Черную Мег, – готова присягнуть, что эта тварь – уличенная еретичка, приговоренная к смерти святым судилищем. Муж ее, занимавшийся рисованием картин и наблюдениями над звездами, два года тому назад был обвинен в ереси и колдовстве и сожжен в Брюсселе. Ей же удалось избежать костра, и она с тех пор живет бродягой, скрываясь на островах Гаарлемского озера и, как подозревают, убивая и грабя всякого испанца, который ей попадет под руку. Теперь ее изловили и уличили, и так как приговор, произнесенный над нею, сохраняет свою силу, то он может быть приведен в исполнение тотчас же, если ваше сиятельство даст на это приказание. Правда, вас вовсе не пришлось бы беспокоить, если бы эта почтенная женщина, – он снова указал на Черную Мег, – которая выследила ее и задержала до нашего прихода, не пожелала иметь вашего удостоверения, чтобы получить награду от казначея святой инквизиции. Поэтому просим вас удостовериться, что это именно та самая еретичка, известная под прозвищем «Марта-Кобыла», фамилию ее я забыл. После же этого, если вам будет угодно удалиться, мы исполним остальное.

– То есть отправите ее в тюрьму и предадите святой инквизиции? – спросил Монтальво.

– Нет, не совсем так, ваше сиятельство, – возразил сержант со сдержанной улыбкой и покашливанием. – Тюрьма, как мне сказали, полна; однако мы можем повести ее в тюрьму, но дорогой еретичка может случайно провалиться в прорубь: ведь сатана направляет шаги таких тварей, или она может нарочно броситься в воду.

– Какие улики? – спросил Монтальво.

Тут выступила вперед Черная Мег и с быстротой и плавностью, свойственной шпионам, начала свой рассказ. Она подтвердила, что знает эту женщину и знает, что, будучи приговорена к смерти инквизицией, она бежала. В заключение Мег повторила разговор Марты с Лизбетой, подслушанный ею утром.

– Вы в счастливый час согласились сопровождать меня, сеньора ван-Хаут, – весело сказал Монтальво, – потому что теперь, для моего собственного удовлетворения, я хочу быть справедливым и не основываться исключительно свидетельством подобной продажной личности. Я попрошу вас поклясться перед Богом, подтверждаете ли вы рассказ этой женщины, и правда ли, что этот урод по прозвищу «Кобыла» проклинала мой народ и святое судилище? Отвечайте, и, прошу вас, поскорее, сеньора: становится холодно, и лошадь моя начинает дрожать.

Тут Марта в первый раз подняла голову, схватившись за волосы и стараясь оторвать их от льда, к которому они примерзли.

– Лизбета ван-Хаут! – закричала она, – неужели ради того, чтобы понравиться твоему возлюбленному испанцу, ты обречешь на смерть подружку детства твоего отца? Испанский конь

озяб и не может дольше стоять на месте, а бедную нидерландскую кобылу собираются спустить под голубой лед и держать там, пока ее кости не примерзнут ко дну рва. Ты выбрала себе испанца, между тем как сама кровь твоя должна бы возмутиться против этого; но дорого тебе придется поплатиться! Если же ты произнесешь то слово, которого они от тебя добиваются, то погубишь себя и погубишь не одно только свое тело, но и душу. Горе тебе, Лизбета ван-Хаут, если ты станешь мне поперек дороги прежде, чем мое дело будет окончено. Смерть не страшна мне, я даже обрадуюсь ей, но, говорю тебе, я должна еще кончить дело до своей смерти.

Совершенно растерявшаяся Лизбета взглянула на Монтальво.

Граф был проницателен и тотчас понял все. Нагнувшись вперед, опираясь рукой о спинку саней, будто желая ближе взглянуть на арестованную, он шепнул Лизбете на ухо так тихо, что никто не мог слышать его слова:

– Сеньора, я в данном случае не имею никакого желания: я не добиваюсь смерти несчастной помешанной, но если вы подтвердите слова доносчицы, то ее, обвиняемую, придется утопить. Пока еще ничего не доказано и все зависит от вашего свидетельства. Я не знаю, что произошло между вами сегодня утром и мало интересуюсь этим, но только, если окажется, что вы не вполне ясно помните все случившееся, то мне придется поставить вам одно или два маленьких, пустячных условия: вы должны будете провести остальной вечер со мной, и, кроме того, ваша дверь должна быть открыта для меня, когда бы я ни вздумал постучаться в нее. При этом не могу не напомнить, что три раза являясь к вам, чтобы засвидетельствовать вам мое почтение, я нашел ее запертой.

Лизбета слышала и поняла. Если она захочет спасти жизнь этой женщины, ей придется выносить ухаживание этого испанца, чего она желала меньше всего на свете. Произнося же клятву перед Богом, ей, никогда в жизни не лгавшей, придется произнести ужасную ложь. Больше полминуты она раздумывала, обводя кругом взглядом, полным ужаса, и зрелище, представлявшееся ей, так глубоко запечатлелось в ее душе, что она до самой своей смерти не могла забыть его.

Марта не говорила больше ничего; она стояла на коленях, не сводя с лица Лизбеты отчаянного вопросительного взгляда. Несколько правее стояла Черная Мег, смотря на нее сумрачно, так как деньгам, которые она надеялась получить, грозила опасность. Позади арестованной стояли оба солдата, одни из них поднес руку к лицу, стараясь скрыть зевоту, а другой бил себя в грудь, чтобы согреться. Третий солдат, находившийся несколько впереди, расчищал рукояткой своей алебарды поверхность проруби от затягивавшего ее тонкого льда, между тем как Монтальво, продолжавший наклоняться то вперед, то в сторону, не сводил с Лизбеты насмешливого и циничного взгляда. И на все – на бесконечную, снежную пелену, на остроконечные крыши города вдаль, на красивые сани и сидевшую в них закутанную в меховую полость девушку падал спокойный свет месяца при полной тишине, нарушаемой только бием ее сердца и, время от времени шелестом морозного ветра в засохшем тростнике.

– Ну, что же, сеньора, – спросил Монтальво, – обдумали ли вы все, и должен ли я произнести обычную формулу клятвы?

– Говорите! – ответила она хриплым голосом.

Он вышел из саней, стал против Лизбеты и, сняв берет, произнес формулу клятвы – клятвы, способной смутить Лизбету, если в душе она сознавала, что говорит неправду.

– Во имя Отца и Сына и Его Блаженной Матери, вы клянетесь? – спросил граф.

– Клянусь, – отвечала Лизбета.

– Хорошо. Выслушайте же меня, сеньора. Встретились вы с этой женщиной сегодня после полудня?

– Да, я встретила с ней на катке.

– Проклинала она при вас правительство и святую Церковь и уговаривала ли вас помочь изгнанию испанцев из страны, как свидетельствует доносчица по имени, если не ошибаюсь, Черная Мег?

– Нет, – отвечала Лизбета.

– Я боюсь, что этого заявления недостаточно, сеньора, может быть, я употребил не те выражения... Говорила ли женщина вообще что-нибудь в этом роде?

Одну секунду Лизбета колебалась. Но, увидев снова перед собой лицо жертвы, смотревшей на нее задумчивыми глазами, полными ожидания, вспомнив, что это грязное, искалеченное существо было некогда ребенком, подружкой игр ее отца, которую он целовал и преступление которой заключается только в том, что она избежала костра, Лизбета приняла решение.

– Холодно умирать в воде! – сказала Марта тихо, будто думая вслух.

– Так зачем же ты, колдунья, еретичка, убежала от огня? – насмеялась Черная Мег.

Лизбета, не колеблясь, опять односложно отвечала на вопрос Монтальво:

– Нет.

– Что же она делала или говорила, сеньора?

– Она говорила, что знала моего отца, игравшего с ней, когда она была ребенком, и просила милостыню – вот и все. Тут подошла эта женщина, и она убежала, после чего женщина сказала, что ее голова оценена и что она получит деньги за указание ее.

– Это ложь! – яростно, пронзительным голосом закричала Мег.

– Если она не замолчит сама, заставьте ее замолчать, – приказал Монтальво, обращаясь к сержанту. – Я вижу, что против арестованной нет других улик, кроме показания доносчицы, утверждающей, что она преступница, еретичка, бежавшая от сожжения несколько лет тому назад из окрестностей Брюсселя, куда вряд ли стоит посылать за справками. Подобное обвинение может быть оставлено без внимания. Остается вопрос о том, произносила или нет эта женщина некоторые слова, за которые, если она произносила их, без сомнения, заслуживает казни, на которую я, как исполняющий должность коменданта этого города, имею власть осудить ее. Я предвидел этот вопрос и вот почему попросил сеньору, к которой женщина обратилась, как утверждают, со своими словами, сопровождать меня сюда, чтобы дать показание. Она исполнила мою просьбу, и ее клятвенное показание, опровергая не подтвержденное клятвой показание доносчицы, гласит, что обвиняемая не произносила подобных слов. Сеньора – усердная католичка, и не поверить ей я не имею причины, поэтому я приказываю отпустить арестованную, которую, со своей стороны, считаю за никому не опасную бродягу.

– По крайней мере, вы продержите ее в тюрьме, пока я не докажу, что она еретичка, бежавшая от костра в Брюсселе, – закричала Черная Мег.

– И не подумаю, тюрьмы и так полны. Развяжите ее и отпустите.

Несколько удивленные солдаты повиновались, и Марта с трудом поднялась на ноги. С минуту она стояла, смотря на свою избавительницу, затем, крикнув: «Лизбета ван-Хаут, мы еще увидимся!» – бросилась бежать с невероятной быстротой. Через несколько секунд она виднелась вдали только черной точкой на белом ландшафте и скоро совсем исчезла.

– Скачи как хочешь, кобыла, – крикнула ей вдогонку Черная Мег, – а все же я поймаю тебя. И тебе не уйти от меня, красавица-лгуня, лишившая меня дюжины флоринов. погоди, и тебе придется иметь дело со святой инквизицией: этим ты непременно кончишь! Не спасет тебя твой красивый любовник-испанец. Так ты перешла на сторону испанцев и отреклась от своих толсторожих бюргеров?! Ну, дадут тебе себя знать испанцы, помани мое слово!

Два раза Монтальво тщетно пытался прервать поток ее яростной брани, которая задевала его и могла невыгодно отразиться на его планах, и, наконец, прибегнул к другому средству.

– Схватить ее! – приказал он двум солдатам. – А теперь окунуть ее в прорубь и держать, пока я не прикажу отпустить.

Они повиновались, но в выполнении приказа пришлось принять участие всем троим, так как Черная Мег отбивалась и кусалась, как дикая кошка, пока ее не бросили головой вниз в прорубь. Когда наконец ее вытащили оттуда, она, вся дрожавшая и мокрая, молча поплелась прочь, но взгляд, брошенный ею на Лизбету и на капитана, заставил последнего сделать замечание, что, быть может, следовало бы продержат ее под водой двумя минутами дольше.

– Холодно сегодня, да еще ради праздника вам пришлось провозиться с этой историей, так вот вам и вашим людям на что погреться, когда сменитесь, – обратился Монтальво к сержанту, подавая ему довольно значительную для тех времен сумму. – Кстати, быть может, вы захотите сделать мне одолжение – отвести моего вороного в конюшню, а на его место запрячь в мои сани этого серого скакуна: мне еще хочется прокатиться по крепостному рву, а моя лошадь устала.

Люди отдали честь и принялись перепрягать лошадей, между тем как Лизбета, предугадывая намерение своего кавалера, подумывала было бежать, воспользовавшись коньками, еще бывшими у нее на ногах. Но Монтальво не выпускал ее из виду.

– Сеньора, – сказал он спокойным тоном, – мне кажется, вы обещали провести в моем обществе остальной вечер, и я уверен, что ничто не может заставить вас сказать неправду, – добавил он с вежливым поклоном. – Если бы я не был уверен в этом, я вряд ли так легко принял бы ваше свидетельство несколько минут тому назад.

Лизбета, видимо, смутилась.

– Я думала, сеньор, что вы вернетесь на праздник.

– Мне что-то не помнится, чтобы я говорил это, мне надо осмотреть, в порядке ли караулы. Не бойтесь, прогулка будет прелестная при лунном свете, а потом вы, может быть, доведете свое гостеприимство до того, что позовете меня отужинать у себя.

Она все еще колебалась, и неудовольствие отражалось у нее на лице.

– Ювфроу Лизбета, – заговорил тогда Монтальво, изменив тон, – у меня на родине есть пословица: «Долг платежом красен»! Вы покупали и... получили товар. Понимаете вы меня?! Позвольте мне потеплее укрыть вас полостью... Я знаю, что в душе вы намерены честно расплатиться, вы... только дразните меня... Если бы вы в самом деле хотели избавиться от меня, вы могли бы воспользоваться случаем и убежать. Поэтому я сам предоставил вам этот случай, не желая удерживать вас против воли.

Лизбета слушала и кипела досадой: этот человек перехитрил ее. На каждом шагу он старался показать ей ее несостоятельность, и еще больше ее сердило, что он был прав. Она покупала, она должна и платить. Зачем она покупала? Не ради собственной выгоды, но побуждаемая чувством человеческой жалости, ради спасения жизни себе подобного существа. Но почему она решилась на ложную клятву ради спасения этой жизни? Она была верующая католичка и не симпатизировала таким людям. По всей вероятности, эта женщина была анабаптистка, одна из членов этой отвратительной секты, не имеющих имени, позволявших себе безнравственные поступки и бегавших нагими по улицам, объявляя, что они «голая правда». Не подействовало ли на нее заявление этой женщины, что она в детстве знала ее отца? Может быть, отчасти, но не было ли еще другой причины? Не произвели ли на нее впечатления слова женщины об испанцах, смысл которых она уяснила себе во время катанья – именно в ту минуту, когда она увидела сатанинское выражение лица Монтальво. Ей казалось, что именно это и была причина, хотя тогда она и не сознавала этого, ей казалось также, что она действовала не по собственной воле, но будто побуждаемая какой-то непонятной силой, которой она не могла противостоять.

А главное – и самое худшее – было сознание, что ее самоотвержение не принесет пользы, или, если и принесет, то, во всяком случае, не ей и ее домашним. Она была теперь, как рыба в сетях, только она не могла понять, что побуждало этого блестящего испанца издеваться над ней, она забыла, что красива и богата. Ради спасения крови ближнего она решила вступить в

торг, и расплачиваться, наверное, придется собственной кровью и кровью дорогих ей людей, как бы высока и несправедлива ни была требуемая цена.

Таковы были мысли, пронесшиеся в голове Лизбеты в то время, как сильный фламандский ломовик вез сани, не изменяя неторопливого шага и на гладком, и на неровном льду. И все это время Монтальво, сидя позади нее, продолжал занимать ее разговорами на разные темы: то рассказывал об апельсиновых рощах Испании, то о дворе императора Карла, то о приключениях во время французской войны и о многих других вещах. На все это Лизбета отвечала не более того, чего требовала от нее вежливость. Она думала про себя: что скажут Дирк и Питер ван-де-Верф, мнением которых она дорожила, и все лейденские сплетники? Она только молила, чтобы ее отсутствие осталось незамеченным или чтобы подумали, что она уехала прямо домой.

Однако ей скоро пришлось отказаться от этой надежды: они повстречались с молодым человеком, шедшим по покрытому снегом полю и несшим коньки в руках, и Лизбета узнала в нем одного из товарищей Дирка. Он встал перед санями, так что лошадь остановилась сама собой.

– Ювфроу Лизбета ван-Хаут здесь? – спросил он озабоченным тоном.

– Да, – отвечала она; но прежде чем могла сказать что-нибудь дальше, Монтальво перебил ее, спросив, что случилось.

– Ничего, – отвечал молодой человек, – только ювфроу исчезла, и друг мой Дирк ван-Гоорль попросил меня поискать ее здесь, между тем как он сам ищет ее в другой стороне.

– В самом деле? В таком случае вы, милостивый государь, может быть, найдете господина ван-Гоорля и передадите ему, что сеньора, его кузина, просто поехала покататься и вернется домой через час здорова и невредима, а вместе с нею приеду и я, граф Жуан де Монтальво, которого сеньора почтила приглашением на ужин.

Прежде чем изумленный посланец собрался с ответом, а Лизбета могла дать какое-нибудь объяснение, Монтальво стегнул коня и промчался мимо молодого человека, стоявшего совершенно растерянно, с шапкой в руке, почесывая затылок.

После того они продолжали поездку, показавшуюся Лизбете бесконечной. Объехав всю крепость кругом, Монтальво остановился у одних из запертых ворот и, вызвав караул, приказал отпереть. Произошла некоторая заминка, так как сначала сержант, командовавший караулом, не поверил, что его действительно вызывает сам комендант.

– Простите, ваше сиятельство, – сказал он, осветив фонарем лицо графа, – но я никак не думал, что вы сделаете объезд с молодой дамой в санях.

Подняв фонарь, сержант пристально взглянул на Лизбету и, узнав ее, не скрыл насмешливой улыбки.

– Весельчак наш капитан, большой весельчак, и хорошенькую голландскую индюшку он учит теперь петь, – донеслось до Лизбеты его замечание, обращенное к товарищу, когда они вдвоем запирали тяжелые ворота.

Затем граф проверил еще несколько караульных постов, и везде были такие же объяснения. Во все это время граф Монтальво не произнес ни одного слова, кроме обычных комплиментов, и не позволил себе никакой фамильярности, сохраняя в разговоре и манерах полную вежливость и почтительность. Все пока, кажется, шло удовлетворительно, однако настала минута, когда Лизбета почувствовала, что она не в силах дольше переносить такое положение.

– Сеньор, – сказал он кротко, – отвезите меня домой: мне дурно...

– Вероятно от голода, – объяснил Монтальво. – И я страшно проголодался. Но, дорогая ювфроу, вы сами знаете, долг прежде всего, и, в конце концов, вы не без пользы сопроводили меня в моем вечернем объезде. Я знаю, ваши соотечественники дурно отзываются о нас, испанских солдатах, но я надеюсь, что теперь вы можете засвидетельствовать их дисциплину. Хотя сегодня день праздничный, однако вы сами убедились, мы нашли всех на своих местах и не видали ни одного выпившего.

– Эй, ты! – обратился он к одному из солдат, отдававшему ему честь. – Ступай за мной к дому ювфроу Лизбеты ван-Хаут, где я буду ужинать, и доставь сани ко мне на квартиру.

Глава III. Монтальво выигрывает

Повернув на Брее-страат – тогда, так же как теперь, самую красивую из лейденских улиц, – Монтальво остановил лошадь перед большим домом с тремя выступами под круглыми крышами, из которых средний, над главным входом, был украшен двумя окнами с балконами. Это был дом Лизбеты, оставленный ей отцом, где она должна была жить, пока ей не вздумается выйти замуж, со своей теткой Кларой ван-Зиль. Солдат взял лошадь под уздцы, а Монтальво, соскочив со своего места, направился помочь своей даме выйти из саней. В эту минуту Лизбета вся ушла в мысль, как бы ей убежать, но даже если б она решилась на это, являлось препятствие, на которое ее предусмотрительный кавалер обратил ее внимание.

– Ювфроу ван-Хаут, – обратился он к ней, – вы помните, что вы еще на коньках?

Действительно, в своем волнении она забыла об этом обстоятельстве, которое делало бегство невозможным. Не могла же она войти в дом, переваливаясь на вывернутых ногах, как ручной тюлень, которого рыбак Ганс привез с собой с Северного моря. Это было бы слишком смешно, и слуги рассказали бы всему городу. Лучше уж еще некоторое время переносить общество ненавистного испанца, чем сделаться смешной, пытаясь бежать. Кроме того, если бы даже ей удалось попасть в дом прежде него, разве она могла бы захлопнуть дверь перед его носом?

– Да, – отвечала она односложно, – я позову слугу...

Тут в первый раз граф выказал чисто испанскую, исполненную достоинства любезность:

– Не позволяйте наемнику низкого происхождения держать в своих руках ножку, прикоснуться к которой – честь для испанского гидальго. Я ваш слуга, – сказал он и ждал, преклонив одно колено на покрытой снегом ступеньке.

Нечего было делать: Лизбете пришлось протянуть свою ножку, с которой Монтальво осторожно и ловко снял конек.

«Снявши голову, по волосам не плачут», – подумала Лизбета, протягивая другую ногу.

В эту самую минуту кто-то приотворил дверь за ними.

– Долг... – начал Монтальво, принимаясь за вторые ремни.

Дверь в это время совершенно отворилась, и послышался голос Дирка ван-Гоорля, говорившего довольным тоном:

– Конечно, тетя Клара, это она, и кто-то снимает с нее башмаки...

– Коньки, сеньор, коньки, – перебил его Монтальво, оглядываясь через плечо, и затем добавил шепотом, снова принимаясь за дело, – гм... «платежом красен». Вы представите меня, не правда ли? Мне кажется, так будет удобнее для вас.

Бегство было невозможно, так как граф держал ее за ногу, и кроме того, инстинкт подсказывал Лизбете, что единственный исход для нее – объяснить все, особенно ради любимого ею человека, и она сказала:

– Дирк, кузен Дирк, вы, кажется, знакомы: это... капитан, граф Жуан де Монтальво.

– А, сеньор ван-Гоорль! – произнес Монтальво, снимая коньки и поднимаясь с колен, которые от избытка вежливости оказались совершенно мокрыми. – Позвольте передать вам здоровой и невредимой прекрасную даму, которую я похитил у вас на минуту.

– На минуту, капитан? – пробормотал Дирк. – С начала бега прошло около четырех часов, и мы немало беспокоились о ней.

– Все объяснится, сеньор, за ужином, на который ювфроу была так любезна пригласить меня, – отвечал граф и вслед за тем тихо повторил напоминание: «Долг платежом красен».

– Вашей кухне своим присутствием удалось спасти жизнь себе подобной, – продолжал он опять вслух, – но, как я уже сказал вам, это длинная история. Позвольте, сеньора...

И через минуту Лизбета очутилась в зале собственного дома под руку с испанцем, между тем как Дирк, его тетка и несколько гостей покорно следовали за ними.

Теперь Монтальво знал, что затруднение, по крайней мере на этот вечер, устранено, раз он переступил порог дома как гость.

Наполовину бессознательно Лизбета направила своего кавалера к «sit-kamer» в виде балкона на первом этаже – комнате, соответствующей нашей гостиной. Здесь собралось еще несколько знакомых, так как было решено, что праздник на льду окончится самым роскошным ужином, какой только могла предложить хозяйка дома. Лизбета должна была представить всем своего кавалера, который вежливо раскланялся с каждым из гостей по очереди. После того ей удалось освободиться; но, проходя мимо него, она явственно видела, как его губы шептали: «Долг платежом красен».

Когда Лизбета пришла к себе в комнату, ее негодование и гнев были так велики, что она вся дрожала, но мало-помалу она овладела собой, и вместе с хладнокровием явилось желание выпутаться из всей этой истории как можно ловчее. Она приказала Грете подать себе лучшее платье и надеть себе на шею знаменитое жемчужное ожерелье, купленное ее отцом на востоке и составлявшее предмет зависти половины лейденских дам. На голову она надела красивый кружевной убор – свадебный подарок ее матери от бабушки, которая сама плела кружево для него. Дополнив свой наряд золотыми украшениями, какие были в употреблении у женщин ее класса, она спустилась в приемную.

Между тем Монтальво не терял времени понапрасну. Отведя Дирка в сторону, он под предлогом необходимости привести в порядок свой костюм, попросил указать ему комнату, где бы он мог заняться своим туалетом. Дирк, хотя и не совсем охотно, исполнил его просьбу, но Монтальво держал себя так мило в эти несколько минут, что прежде чем они вернулись к гостям, Дирк должен был сознаться себе, что не согласен с молвой, считавшей этого странного испанца «таким же черным, как его усы». Хотя граф еще не успел объясниться с ним, но Дирк уже почти уверился, что у Монтальво были какие-нибудь уважительные причины, заставившие его увезти с собой прелестную Лизбету на все послеобеденное время и часть вечера.

Правда, еще оставалась невыясненной попытка опрокинуть сани ван-де-Верфа во время бега, но, как знать, не найдется ли объяснения и этому? Это случилось – если вообще верить, что случилось, – на достаточно большом расстоянии от выигрышного столба, где было мало зрителей, которые видели бы все происходившее. Теперь, когда Дирк стал припоминать, единственной обвинительницей являлась маленькая девочка, сидевшая в санях, сам же ван-де-Верф ничего не заявлял.

Скоро после возвращения молодых людей к гостям, доложили, что ужин подан, и наступила минутная тишина. Ее нарушил Монтальво, выступивший вперед и во всеуслышание предложивший свою руку Лизбете.

– Ювфроу, моя спутница во время бега, окажите скромному представителю величайшего монарха в мире честь, которой, без сомнения, сам он воспользовался бы с радостью.

Таким образом все уладилось, так как ввиду указания коменданта лейденского гарнизона на его официальное положение его право первенства перед присутствующими, хотя также именитыми, но, в конце концов, все же не более как простыми лейденскими бюргерами недворянского происхождения, уже не подлежало сомнению.

У Лизбеты, однако, хватило смелости указать на несколько взволнованную седую даму, обмахивавшуюся веером, будто на дворе стоял июль, и всю поглощенную мыслью о том, окажется ли повар на высоте ожиданий благородного испанца, и проговорить:

– Моя тетушка!.. – но дальше ей не пришлось продолжать, так как Монтальво тотчас же прибавил тихо:

– Конечно, последует тотчас за нами, меня же воспитывали в тех правилах, что наследница дома идет впереди всех прочих, каков бы ни был их возраст.

В это время они уже прошли в дверь, и было бы бесполезно протестовать, и снова Лизбета почувствовала, что ей только остается покориться ловкому противнику. Еще через минуту они спустились с лестницы, вошли в столовую и очутились рядом во главе стола, на противоположном конце которого сели Дирк ван-Гоорль и тетка Лизбеты, также родственница Дирка, Клара ван-Зиль.

Пока слуги обносили кушаньями, царила тишина, и Монтальво воспользовался ею, чтобы окинуть взглядом комнату, сервировку и гостей. Столовой была красивая комната со стенами, выложенными германским дубом и если не блестяще, то все же достаточно освещенная двумя висячими медными люстрами знаменитой фламандской работы, в каждой из которых было вставлено по девятнадцати свечей лучшего сорта, между тем как на буфетах стояли такие же медные чеканные канделябры. Этот свет дополнялся светом торфа и корабельного леса, горевших в большом камине, выложенном голубыми изразцами. Отражение огня от камина играло и сверкало на многочисленных серебряных кувшинах и кубках искусной чеканки, украшавших столы и буфеты.

Общество носило такой же характер, как обстановка, все было красиво и солидно: все, и мужчины, и женщины, были люди богатые, получившие свое богатство от отцов или сами нажившие его честной и прибыльной торговлей, которая вся в то время сосредоточивалась в руках голландцев.

«Я не ошибся, – подумал Монтальво, рассматривая комнату и находившихся в ней. – Одно ожерелье моей маленькой соседки стоит больше, чем у меня когда-либо бывало в руках, и сервировка чего-нибудь да стоит. Ну, надеюсь, скоро получу возможность поближе познакомиться с их ценностью...»

После этого, набожно перекрестившись, граф с аппетитом принялся за ужин, вполне достойный его внимания даже в стране, известной роскошью яств и вин, а также аппетитом их потребителей.

Однако любезный капитан из-за еды не забыл разговора; напротив, увидав, что его соседка не в разговорчивом настроении, он обратился к другим гостям – мужчинам, касаясь различных подходящих тем. Среди гостей был также и Питер ван-де-Верф, победитель в беге, и против его подозрительной, осторожной сдержанности графу пришлось направить огонь всех своих батарей.

Прежде всего он поздравил Питера и очень серьезно пожалел себя, так как действительно бег стоил ему такой суммы, которую он едва ли мог выплатить. Затем он похвалил серого рысака и спросил, не продается ли он, предлагая как часть уплаты своего вороного.

– Добрый конь, – сказал он, – однако имеет кое-какие пороки, которых я не стал бы скрывать, если бы пришлось назначить ему цену. Например, мейнгерр ван-де-Верф, вы, может быть, заметили, в какое неловкое положение он поставил меня к концу бега? Есть вещи, которых он всегда пугается, и в том числе он боится красного плаща. Не знаю, видели ли вы, что на валу около рва вдруг показалась девушка в красной шубе. Лошадь сейчас же шарахнулась в сторону, и можете представить, что я испытал в эту минуту, когда того и ждал, что сани мои опрокинутся, а в них ведь сидела ваша прелестная родственница. Кроме того, я таким образом чуть не лишился всех своих шансов на выигрыш, потому что обыкновенно, испугавшись, вороной начинает упрячиться и не хочет идти дальше.

У Лизбеты захватило дух, когда она услышала это объяснение. И действительно, ей вспомнилось, что возле них показалась девочка в красной шубе, и лошадь отшатнулась, как будто в самом деле испугалась. Неужели капитан и вправду не намеревался опрокинуть «барсука»?

Между тем ван-де-Верф отвечал, как всегда, не спеша. Он, по-видимому, принимал объяснение Монтальво; по крайней мере, он сказал, что также видел девушку в красном, и выразил удовольствие, что все обошлось благополучно. Что же касается предлагаемой сделки, то он с удовольствием принял бы ее, так как серый, хотя и хороший конь, но стареет, а вороной

– одна из самых красивых лошадей, каких ему приходилось видеть. Но тут Монтальво в действительности не имевший ни малейшего желания расстаться со своим ценным бегуном, по крайней мере на таких условиях, переменял разговор.

Наконец, когда мужчины – а женщины уже и подавно – насытились, а прекрасные фламандские кубки уже не в первый раз искрились лучшими рейнскими и испанскими винами, Монтальво, воспользовавшись наступившей паузой, встал и заявил, что просит позволения воспользоваться привилегией иностранца между гостями, чтобы предложить тост за своего соперника в сегодняшнем беге, Питера ван-де-Верфа.

Все присутствовавшие с радостью приняли предложение, так как все очень, гордились успехом молодого человека, и многие выиграли, держа пари за него. Выражения одобрения еще усилились, когда испанец начал свою речь с предмета, в котором все присутствовавшие были компетентными судьями, – с красноречивой похвалы выдающимся качествам ужина. Редко ему приходилось, уверял он всех, и особенно почтенную вдову ван-Зиль, кулинарная слава которой, по его словам, достигла до самой Гааги (при этом комплименте вдова вспыхнула и принялась так усердно обмахиваться веером, что опрокинула кубок Дирка, облив его новый камзол брюссельского покроя), редко приходилось есть так вкусно приготовленные кушанья и пить такие изысканные вина даже при дворах королей и императоров, папы и его архиепископов.

Затем, переходя к главному предмету своего спича, ван-де-Верфу, он поднял бокал за него, за его сестру и лошадь, подбирая самые подходящие и изысканные обороты, не впадая в преувеличение; он откровенно признавался, что поражение было для него горько, так как все солдаты гарнизона надеялись видеть его победителем и, как он опасается, держали за него пари выше своих средств. Также он во всеуслышание повторил историю девушки в красном плаще. Затем, понизив голос и более спокойным тоном, он обратился к «тетушке Кларе» и «дорогому герру Дирку», говоря, что должен извиниться перед ними обоими, что так безрассудно долго задержал ювфруу Лизбету после бега. Когда они узнают, в чем дело, они, он уверен, не станут больше порицать его, особенно, если он скажет им, что это отступление от общепринятых правил было вызвано желанием спасти человеческую жизнь.

Он рассказал, как тотчас после гонки один из его сержантов разыскал его, чтобы сообщить, что задержана одна женщина, предполагаемая колдунья и еретичка, заподозренная в покушении на убийство и воровство, и просил его, по причинам, которыми он не хочет утомлять своих слушателей, немедленно заняться этим делом. Кроме того, – так говорил сержант, – эта женщина, по свидетельству некоей Черной Мег, в тот день после обеда обратилась с самыми богохульными и предательскими речами к ювфруу Лизбете ван-Хаут.

Конечно, каждый из присутствующих разделит его отвращение к еретикам и предателям, – продолжал Монтальво, и тут большинство из гостей, особенно тайные приверженцы новой религии, перекрестилось. – Но и еретики имеют право на беспристрастное рассмотрение своего дела, по крайней мере, он лично того мнения, и хотя солдат по профессии, но от души ненавидит бесполезное пролитие крови.

Долгая опытность научила его также относиться недоверчиво к свидетельству доносчиков, имеющих денежные выгоды от уличения обвиняемого. Наконец, ему казалось неудобным, чтобы имя молодой девушки хорошего происхождения было замешано в подобную историю. Как известно из последних эдиктов, ему в таких случаях дана неограниченная власть, и он получил приказание всех подозреваемых в принадлежности к секте анабаптистов или другой форме ереси немедленно отправлять в надлежащие суды, а в случае поимки бежавших еретиков и удостоверения их личности немедленно казнить их без дальнейшего допроса. При подобных обстоятельствах, боясь, что молодая девушка испугается, если узнает его намерение, а с другой стороны, желая и ради ее самой и ввиду соблюдения приличий иметь ее свидетельство,

он решился прибегнуть к хитрости. Он попросил ее сопровождать его в поездке по небольшому делу, и она любезно согласилась.

– Друзья, – продолжал он все более и более торжественным тоном, – конец моего рассказа короток. Я должен поздравить себя с принятым мною решением, так как при очной ставке с задержанной наша любезная хозяйка клятвенно опровергла выдумку доносчицы, и я, следовательно, мог спасти несчастное, как мне кажется, полоумное существо от неминуемой ужасной смерти. Не правда ли, ювфроу?

Лизбете, опутанной сетями обстоятельств, совершенно не знавшей, что предпринять, оставалось только утвердительно кивнуть головой.

– Мне кажется, что после моего объяснения нарушение общепринятых правил может найти себе извинение, – заключил Монтальво, – и мне остается прибавить только одно слово; мое положение здесь совершенно особенно – я здесь официальное лицо, но между тем смело говорю среди друзей, подвергая себя опасности, что кто-нибудь из присутствующих может направить мои же слова против меня, чего я, впрочем, не думаю. Хотя нет в Нидерландах более ревностного католика и более преданного своей родине испанца, чем я, меня обвиняли в том, что я выказываю слишком большую симпатию к вашему народу и поступаю слишком мягко с теми, кто навлек на себя неудовольствие святой Церкви. Что касается применения моих прав и правосудия, я согласен сносить подобные обвинения, но на свете не всегда правда берет верх. Поэтому, хотя я рассказал вам только истину, я должен указать, что в интересах нашей хозяйки, в моих собственных интересах, которых дело может коснуться, и в интересах всех сидящих за этим столом лучше было бы не распространяться особенно о подробностях только что сообщенного мною происшествия: пусть оно умрет в этих стенах. Согласны ли вы, друзья?

Побуждаемые одним общим порывом, а также общим, хотя и бессознательным страхом, все присутствующие, даже осторожный и дальновидный ван-де-Верф, отвечали в один голос:

– Согласны!

– Друзья, – сказал Монтальво, – это простое слово дает мне такую же глубокую уверенность, как какая-нибудь торжественная клятва, такую же уверенность, какую дала клятва нашей хозяйки, на основании которой я счел себя вправе отпустить несчастную, хотя в ней подозревали бежавшую еретичку.

Монтальво закончил свою речь вежливым общим поклоном и сел.

– Что за добрый, что за восхитительный человек, – проговорила тетушка Клара, обращаясь к Дирку среди шума поднявшихся разговоров.

– Да, только...

– Какая наблюдательность и какой вкус! Ты слышал, что он сказал о нашем ужине?..

– Слышал что-то мельком.

– Правда, все говорят, что мой тушенный в молоке каплун, какой у нас был сегодня... Что это с твоим камзолом? Ты раздражаешь меня, не переставая тереть его...

– Ты облила его красным вином, вот и все, – недовольным тоном отвечал Дирк. – Он испорчен.

– Не велика потеря, говоря правду. Дирк, я не видела камзола, хуже сшитого. Вам, молодым людям, следовало бы поучиться одеваться у испанских дворян. Взгляни, например, на его сиятельство, графа Монтальво...

– Мне кажется, тетушка, я уже довольно слышал на сегодня об испанцах и капитане Монтальво, – перебил свою родственницу Дирк, едва сдерживая себя. – Сначала он увозит Лизбету и пропадает с ней целых четыре часа, затем сам набивается на ужин и садится с ней на почетный конец стола, предоставляя мне скучать, как никогда, на противоположном конце...

– Ты сердисься и становишься невежлив, – сказала тетка Клара. – Не только умению одеваться, но и умению держать себя тебе не мешало бы поучиться у испанского гидальго и коменданта.

Почтенная дама при этих словах поднялась, обращаясь к Лизбете:

– Если ты кончила, Лизбета, пойдем, а наши гости еще займутся вином.

Когда дамы удалились, в столовой стало еще оживленнее.

В те времена почти все пили очень много спиртных напитков, по крайней мере на праздниках, и этот вечер не составлял исключения. Даже Монтальво, чувствующий, что выиграл игру и поэтому несколько успокоившийся, не отставал от других и по мере того как кубок осушался за кубком, становился все разговорчивее. Но он был настолько хитер, что даже тут остался верен своему плану и в разговоре высказал такое сочувствие к невзгодам, переживаемым Нидерландами, и такую религиозную терпимость, какие редко можно было встретить в испанце.

Затем разговор перешел к военным вопросам, и Монтальво, подстрекаемый ван-де-Верфом, который, не в пример прочим, пил немного, стал объяснять, как бы он, если бы был главнокомандующим, стал защищать Лейден от нападения войск, превосходящих численностью его гарнизон. Скоро ван-де-Верф заметил, что граф был искусный офицер, изучивший свое дело, и, будучи сам любознательным штатским, начал предлагать своему собеседнику вопрос за вопросом.

– Предположите, – спросил он наконец, – что город погибает от голода, а все еще не взят, так что жителям предстоит или попасть в руки неприятеля, или сжечь самим свои жилища. Что бы вы сделали в таком случае?

– Тогда, мейнгерр, если бы я был обыкновенный человек, я внял бы голосу умирающего от голода населения и сдался.

– А если бы вы были великим человеком?

– Если б я был великим человеком?.. Тогда я перерезал бы плотины и снова допустил бы морские волны биться о стены Лейдена. Армия не может жить в соленой воде, мейнгерр.

– Но при этом вы потопили бы фермеров и разорили бы страну на двадцать лет.

– Совершенно верно, но когда надо спасти зерно, кто думает о спасении соломы?

– Слушаю вас, сеньор. Ваша пословица хороша, хотя мне никогда не приходилось слышать ее.

– Немало хороших вещей идет из Испании, мейнгерр, в том числе и это красное вино. Позвольте выпить еще стакан с вами, и если позволите мне сказать вам это, вы – человек, с которым приятно встретиться и со стаканом в руке, и с мечом.

– Надеюсь, что вы навсегда сохраните обо мне такое мнение, – отвечал ван-де-Верф, осушая свой кубок, – встретимся ли мы с вами за столом, или на поле битвы.

После этого Питер отправился домой и, прежде чем лечь спать, тщательно записал все, что слышал от испанца о военных диспозициях, как атакующих, так и осажденных, а под своими заметками написал пословицу о зерне и соломе. Не было видимой причины, почему ван-де-Верфу, простому гражданину, занятому торговлей, пришло в голову сделать это, но он оказался предусмотрительным молодым человеком и знал, что многое может произойти, чего никак нельзя предвидеть в данную минуту. Случилось так, что через много лет ему пришлось воспользоваться советом Монтальво. Все, знакомые с историей Нидерландов, знают, как бургомистр Питер ван-де-Верф спас Лейден от испанцев.

Что касается Дирка ван-Гоорля, он добрал до своей квартиры, опираясь на руку не кого иного, как графа дон Жуана де Монтальво.

Глава IV. Три пробуждения

На другое утро после санного бега в Лейдене было три лица, с мыслями которых при их пробуждении небезынтересно познакомиться для читателя, следящего за их судьбой. Первое из этих лиц был Дирк ван-Гоорль, которому всегда приходилось рано вставать по своим обязанностям и которого в это утро отчаянная головная боль разбудила как раз в ту минуту, как часы на городской башне пробили половину пятого. Ничто не оказывает такого неприятного влияния на расположение духа, как пробуждение от сильной головной боли в половине пятого, среди холодного мрака зимнего утра. Однако, лежа и раздумывая, Дирк пришел к убеждению, что его дурное расположение духа происходит не только от головной боли или холода.

Одно за другим ему вспомнились события предыдущего дня. Прежде всего он опоздал ко времени, назначенному для встречи с Лизбетой, что, очевидно, рассердило ее. Затем появился капитан Монтальво и увез ее, как коршун уносит цыпленка из-под надзора наседки, между тем как он сам, Дирк, осел этакий, даже не нашел слова протеста. После этого, считая себя обязанным держать пари за сани, в которых сидела Лизбета, несмотря на то, что ими правил испанец, он проиграл десять флоринов, и это вовсе не было по душе такому расчетливому молодому человеку, как он. Остальное время праздника на льду он провел в поисках Лизбеты, таинственно исчезнувшей с испанцем, причем не только скучал, но еще и беспокоился. Наконец, настал ужин, где опять граф выхватил у него из-под носа Лизбету, предоставив ему стать кавалером тети Клары, которую он не любил, считая за старую дуру, и которая, испортив его новый камзол, в конце концов еще объявила, что он не умеет одеваться. И это еще не все: Дирк чувствовал, что выпил больше, чем следовало, так как об этом ему докладывала его голова. А в довершение всего он вернулся домой под руку с этим самым испанцем и, ей-богу, на пороге своего дома клялся ему в верной дружбе.

Без сомнения, граф оказался необычайно добрым малым для испанца. Что касается своего поступка на беггах, он дал ему вполне удовлетворительное объяснение и принял свое поражение, как джентльмен. Что могло быть любезнее и тактичнее его упоминания о Питере в его застольной речи? Также и в своем отношении к несчастной Марте, историю которой Дирк знал хорошо – и это было важнее всего остального, – Монтальво выказал себя терпимым и добрым человеком.

Надо сказать сразу, что в действительности Дирк был лютеранин: он был принят в эту секту два года тому назад. Быть лютеранином в эти дни в Нидерландах – значило жить, вечно чувствуя у себя на шее железный ошейник и имея перед глазами колесо или костер, – обстоятельство, заставлявшее смотреть на религию более серьезно, чем большинство смотрит на нее в нашем столетии. Однако и в то время страшные казни, которыми каралось вероотступничество, не удерживали многих бюргеров и людей низшего класса от поклонения Богу по-своему. В действительности же из всех присутствовавших на ужине у Лизбеты большая половина, в том числе и Питер ван-де-Верф, были тайными приверженцами новой веры.

Но, оставляя в стороне религиозные соображения, Дирк не мог не пожалеть в душе, что добродушный испанец так красив и что он так умеет ценить красоту лейденских дам, особенно Лизбеты, которая, как ему признался сам Монтальво, произвела на него сильное впечатление. Больше всего опасался Дирк, что подобное восхищение могло быть обоюдным. В конце концов, испанский гидальго и комендант крепости – лицо незаурядное, и, к несчастью, Лизбета также была католичка. Дирк любил Лизбету: он любил ее с терпеливой искренностью, характерной для его национальности и его собственного темперамента, но, кроме уже упомянутых выше причин, разница религий воздвигала стену между ними Лизбета, конечно, и не подозревала ничего подобного. Она даже не знала, что Дирк принадлежит к новой вере, а без разрешения

старейших в своей секте он не мог открыться ей, не решаясь легкомысленно верить скромности молодой девушки жизнь многих людей и их семей.

В этом заключалась причина, почему он, при всей своей преданности Лизбете, даже думая, что она равнодушна к нему, ни одним словом не намекнул ей на свое чувство и не сватался к ней. Как мог он, лютеранин, предлагать католичке стать его женой, не сказав ей всей правды? А если бы он открыл ей все и она решилась бы рисковать собой, какое право имел он завлекать ее в эти ужасные сети? Предположив даже, что она не изменила бы своей вере, имея на то полное право, он, в свою очередь, обязан был бы стараться обратить ее, а детей их, если бы они были у них, пришлось бы воспитать в вере отца. Рано или поздно явился бы доносчик – один из тех ужасных доносчиков, тень которых тяготела над тысячами нидерландских семей, а за ним офицер, потом монах, судья и, наконец, палач и костер.

Что случилось бы в таком случае с Лизбетой? Она могла бы доказать свою невинность в ереси, если бы к тому времени еще действительно не была виновна в ней, но какова стала бы жизнь любящей женщины, муж и дети которой томились бы в тюрьмах папской инквизиции? В этом заключалась первая причина, почему Дирк молчал даже в те минуты, когда испытывал сильнейшее искушение заговорить, хотя внутреннее чувство и подсказывало ему, что его молчание перетолковывалось иначе – приписывалось избытку осторожности, равнодушию или излишней щепетильности.

Вторым лицом, проснувшимся в это утро, была Лизбета, у которой, если и не болела голова (а этим и в ее время часто страдали женщины ее класса), были другие огорчения, с которыми ей предстояло справиться.

Когда она стала разбираться в них и раздумывать, все они разрешились чувством негодования на Дирка ван-Гоорля. Дирк опоздал на свидание, приводя смешное оправдание, что должен был дожидаться, пока не остынет колокол, как будто ей было до этого дело; результатом была встреча с этой ужасной женщиной, Мартой-Кобылой, затем с Черной Мег и, наконец, с испанцем. Здесь опять Дирк выказал непростительное равнодушие и недогадливость, допустив Лизбету принять против воли приглашение поместиться в санях испанца. Дирк даже высказал сам свое согласие на это. Затем одно за другим следовали таковые события этого злополучного карнавала: бег, покушение на соперника, ужасный кошмар, который в продолжение вечера ей постоянно напоминал лицо Монтальво; допрос Марты; ее собственная не преднамеренная, но несомненная ложь; катанье наедине с человеком, принудившим ее произнести ложную клятву; появление перед всеми с ним как с добровольно выбранным ею спутником; наконец, ужин, во время которого испанец явился ее кавалером, между тем как простодушная компания гостей ухаживала за ним, как за существом высшего порядка, случайно попавшим в ее среду.

Какие были намерения у Монтальво? Без сомнения, в этом она была уверена, он намеревался показать, что ухаживает за ней, иначе нельзя было истолковать всех его поступков. И теперь – это было самое ужасное – она, в сущности, была у него в руках, потому что, если бы он захотел, ему ничего бы не стоило доказать, что она произнесла ложную клятву. Сама ложь также тяготила Лизбету, хотя и была произнесена с добрым намерением, если только было действительно хорошо спасать фанатичку от участи, которая, наверное, постигла бы ее, если бы ее преступление стало известно.

Без сомнения, испанец был дурной человек, хотя и привлекательный, и поступил дурно, при все своем умении держать себя и при всех своих блестящих манерах; но чего можно было ожидать от испанца, преследовавшего свои собственные цели? Дирк один... один он во всем виноват... и не столько своей вчерашней ненаходивостью, сколько всем своим поведением вообще. Почему он не предупредил и не устроил так, чтобы она была гарантирована от подобных случаев, на которые всегда рискует наткнуться женщина ее красоты и положения? Святым известно, что со своей стороны она сделала все, чтобы дать ему случай высказаться. Она дошла до пределов того, что может позволить себе девушка, и ради каких бы то ни было Дирков на

свете не сделает ни одного шагу дальше. И что ей так понравилось его глупое лицо? Почему она отказала такому-то и такому-то, всем приличным женихам, и попала в такое положение, что молодые люди уже не подходят к ней, как бы подозревая, что она дала уже слово своему родственнику? Прежде она уверяла себя, что ее привлекает в Дирке что-то, что она чувствует, но не видит: скрытое благородство характера, слабо проявляющееся снаружи. Но где же это «что-то», это благородство? Без сомнения, настоящий мужчина должен бы был вступить и не ставить ее в такое ложное положение. Средства к жизни не могли служить препятствием: она не пришла бы к нему с пустыми руками и даже, напротив, принесла бы за собой кое-что. О, если б не несчастье, что она, к своей досаде, продолжала любить его, она никогда, никогда не сказала бы с ним больше ни одного слова.

Последним из наших друзей, проснувшимся в это знаменательное утро между девятью и десятью часами, когда Дирк уже два часа успел просидеть у себя в конторе, а Лизбета побывать на рынке, был блестящий офицер, граф дон Жуан де Монтальво. Открыв свои темные глаза, он несколько секунд смотрел в потолок, собираясь с мыслями. Затем, сев в постели, он залился хохотом. Вся эта история была слишком потешна, чтоб веселому человеку не посмеяться ей. Этот простофиля Дирк ван-Гоорль; взбешенная, но беспомощная Лизбета; надутые крепкоголовые нидерландцы, которых он всех заставил петь в своем тоне, как струны на скрипке, – да, все это было восхитительно!

Как читатель мог уже догадаться, Монтальво не был типичным испанцем – героем романа или историческим лицом. Он не был ни мрачен или сосредоточен, ни особенно мстителен или кровожаден. Напротив, он был веселого характера, безо всяких правил, остроумный и добрый мальчик, за что пользовался всеобщим расположением. Кроме того, он был храбрый, хороший солдат, симпатичный в некотором смысле, и, странно сказать, не ханжа. Правду сказать, в те времена это было редкостью: его религиозные взгляды так расширились, что в конце концов у него их вовсе не осталось. Поэтому он только изредка поддавался какому-нибудь мимолетному суеверию, вообще же не питал никаких духовных надежд или страхов, что, по его мнению, доставляло ему много преимуществ в жизни. В действительности, если бы того требовали его планы, Монтальво готов был стать кальвинистом, лютеранином, магометанином или даже анабаптистом – смотря по требованиям минуты; он объяснил бы это тем, что художнику удобно нарисовать какую угодно картину на чистом полотне.

И между тем эта способность применяться к обстоятельствам, это отсутствие убеждений и нравственного чувства, которые должны бы были так облегчать графу житейские отношения, были главной причиной его слабости. Судьба сделала его солдатом, и он нес эту службу, как нес бы всякую другую. Но по природе он был актер, и изо дня в день он играл в жизни то одну, то другую роль, но никогда не был самим собой, потому что не имел определенного характера. Однако где-то глубоко в душе Монтальво скрывалось что-то постоянное и самостоятельное, и это «что-то» было не доброе и не злое. Оно очень редко проявлялось наружу; рука обстоятельств должна была глубоко погрузиться в душу графа, чтобы извлечь это нечто, но, несомненно, непреклонный, жестокий испанский дух, готовый всем пожертвовать ради того, чтобы спастись или даже выдвинуться, жил в нем. Лизбета видела именно этот дух в глазах Монтальво накануне, когда, не надеясь больше на победу, граф пытался убить своего противника, рискуя сам быть убитым. И не в последний раз она видела эту скрытую черту характера Монтальво: еще два раза ей суждено было натолкнуться на нее и дрожать перед ней.

Хотя Монтальво вообще не любил жестокости, однако при случае мог сам быть жесток до последней степени: хотя он ценил друзей и желал иметь их, однако мог сделаться самым низким предателем. Хотя без причины он не тронул бы живое существо, однако, найдя причину достаточной, он мог спокойно обречь на смерть целый город. И при этом ему было бы нелегко: он стал бы сожалеть об обреченных и впоследствии вспоминать бы о них с грустью и даже с участием. Этим он отличался от большинства своих соотечественников и современ-

ников, которые сделали бы то же, но гораздо жестче, руководствуясь честными принципами, и впоследствии радовались бы всю свою жизнь при воспоминании о своем деле.

У Монтальво была одна господствующая страсть – не война и не женщины, но деньги. Однако он любил не сами деньги, так как не был скуп, и, будучи игроком, никогда не мог отложить ни гроша; но он любил тратить деньги и сорить ими.

В отличие от многих из своих соотечественников, он мало обращал внимания на женщин, даже не любил их общества и увлечение считал обузой, но он любил вызывать их восхищение, так что, за неимением лучшего, был бы способен выбиваться из сил, чтобы приобрести себе поклонницу в лице какой-нибудь служанки или рыбной торговки.

Все его усилия были направлены к тому, чтобы всюду, где бы он ни показался, затмить в глазах городских красавиц всех остальных, и ради этого он поддерживал многочисленные любовные интриги, в сущности, вовсе не забавлявшие его. Удовлетворение тщеславия, само собой, влекло за собой расходы, так как красавицы требовали денег и подарков; ему самому необходимы были наряды, лошади и вся обстановка самого утонченного вкуса. Знакомых надо было принимать у себя, и притом так, чтобы у них являлось чувство, что их угощал испанский гранд.

Считаться грандом никогда не обходится дешево; не один обедневший пэр знает в наше время, какая обуза титул без состояния. Монтальво носил титул – он был дворянин, но единственным именем его была башня, выстроенная одним из его воинственных предков в местности, прекрасно приспособленной к планам этого предка – ограблению проезжих во время их пути по узкому ущелью. Когда же путешественники не стали ездить этим ущельем или по другим причинам разбойничество перестало составлять прибыльный промысел, доходы семьи Монтальво уменьшились и наконец совсем иссякли. Таким образом случилось, что последний представитель древнего рода оказался в положении заурядного военного, но, к несчастью для себя, обладающего широкими наклонностями, роковой страстью к игре и невероятной гордостью своим происхождением.

Быть может, Жуан де Монтальво сам не отдавал себе ясного отчета в этом; но у него было две цели в жизни: во-первых, удовлетворять в широкой степени все свои капризы и прихоти, а во-вторых – и эта цель была второстепенной и несколько туманной, – восстановить свое родовое богатство. Обе цели сами по себе были вполне законные, и в те времена, когда можно было с успехом ловить рыбу в мутной воде, а человеку способному и настойчивому было нетрудно добиться блестящего положения, не представлялось причины сомневаться в том, чтобы Монтальво не добился осуществления своих планов. Однако пока, несмотря на несколько представлявшихся случаев, ему еще ничего не удалось, хотя ему уже было за тридцать. Причины неудач были различные, но в основании их лежал недостаток постоянства и изобретательности.

Человек, постоянно играющий роль, занимает многих, но не убеждает никого. Монтальво не мог убедить никого. Когда он разговаривал с монахами о тайнах религии, то даже монахи, в это время большею частью люди недалекие, чувствовали, что присутствуют только при умственном упражнении. Когда он говорил о войне, его слушателям казалось, что в душе он только и думает, что о любви. Когда он пел о любви, то особа, к которой он обращал свои речи, инстинктивно чувствовала, что он любит только самого себя, а не ее. И в этом женщины подходили ближе всего к истине: Монтальво любил только самого себя. Ради самого себя он нуждался в больших деньгах, и целью его жизни стало так или иначе добыть эти деньги.

Но и в шестнадцатом столетии богатство не давалось само собой в руки всякому искателю приключений. Жалованье военные получали маленькое и не всегда аккуратно; посторонний заработок был редок и быстро тратился; даже выкуп за одного или двух богатых пленных скоро исчерпывался уплатой таких долгов чести, от которых нельзя было увернуться. Оставалась, конечно, возможность богатой женитьбы, что в такой стране, как Нидерланды, где было много богатых невест, не представлялось затруднительным для знатного, красивого, любез-

ного испанца. И действительно, настало время, когда Монтальво предстояло или жениться или разориться: его долги, особенно карточные, возросли до громадной суммы, и он не мог ступить шагу, не встретив кредитора. К несчастью для него, многие из этих кредиторов имели доступ к властям, и таким образом произошло, что Монтальво получил извещение о необходимости предотвратить скандал вместе с угрозой, что в противном случае ему придется вернуться в Испанию, страну, куда, правду сказать, его вовсе не тянуло. Одним словом, роковой час расплаты, который он всеми силами старался отдалить, настал, и женитьба, богатая женитьба являлась единственным исходом. Это был грустный исход для человека, имевшего свои причины, чтобы не желать вступать в брак, но приходилось покориться.

Таким образом случилось, что граф Монтальво, остановив свое внимание на красивой и богатой Лизбет ван-Хаут как на единственной подходящей ему партии в Лейдене, пригласил молодую девушку в свои сани во время бега и так старался быть приятным гостем в ее доме.

Пока все шло удачно, и, что еще больше, начало охоты было даже занимательно. Местное же общество после того, как Лизбета приняла приглашение быть его дамой во время бега и потом так долго каталась с ним наедине в лунную ночь, что, без сомнения, составляло теперь предмет бесконечных сплетен, было вполне подготовлено ко всякого рода вниманию, какое графу вздумалось бы оказать ей. И почему ему не поухаживать за девушкой свободной, по происхождению стоявшей ниже, хотя по богатству выше его? Правда, он знал, что ее имя соединилось с именем Дирка ван-Гоорля. Он знал также, что молодые люди привязаны друг к другу, так как на обратном пути прошлой ночью Дирк, может быть, имея на то свои причины, почтил его конфиденциальным полупризнанием. Но какое ему до этого дело, если они еще не помолвлены? А если б даже были помолвлены, то и тогда разве не все равно? Но все же Дирк ван-Гоорль являлся препятствием и, несмотря на то, что он казался добрым малым и Монтальво было жаль его, его необходимо было убрать с дороги, так как граф был убежден, что Лизбета – одно из тех упорных созданий, которые отказались бы от брака с ним, пока молодой лейденец не исчезнет с горизонта. А между тем Монтальво не желал впутываться в дуэль уж по одному тому, что в дуэли всегда можно ждать какой-нибудь неожиданности, а это был бы плохой исход. Точно так же не желал он быть замешанным в убийстве; во-первых, потому что ему чрезвычайно неприятна была сама мысль об убийстве кого-либо без крайней на то необходимости для самозащиты, а во-вторых, потому, что убийство – некрасивый путь, чтобы выпутаться. Кроме того, нельзя было заранее предсказать, как взглянут власти на исчезновение молодого нидерландца почтенной фамилии.

Надо было подумать о другом средстве. Если этот молодой человек умрет, нельзя заранее сказать, как Лизбета отнесется к его смерти. Ей может вдруг прийти в голову отказаться от замужества или оплакивать своего жениха лет пять; оба решения оказались бы одинаково невыгодными для планов Монтальво. А между тем пока Дирк жив, есть ли возможность заставить Лизбету перенести на другого ее расположение? Таким образом, казалось, что Дирку необходимо умереть. С четверть часа Монтальво раздумывал по поводу этого вопроса, и наконец, когда он уже готов был предоставить все дело случаю, вдруг в его уме блеснула блестящая, гениальная мысль.

Дирк не умрет, он будет жить, но его жизнь будет куплена ценою руки Лизбеты ван-Хаут. Если она любит Дирка только наполовину так, как предполагает Монтальво, то, вероятно, согласится выйти замуж за кого угодно ради спасения дорогой головы: ведь девять десятых женщин способны на такой сентиментальный идиотизм. Кроме того, этот план имел и другие хорошие стороны: он был выгоден для всех. Дирк спасется от смерти, за что должен быть благодарен; Лизбета, кроме чести союза, хотя, быть может, только временного, с ним, графом, будет жить, окруженная небесным сиянием добродетели, происходящим из сознания, что она сделала нечто весьма прекрасное и трагическое, между тем как он сам, Монтальво, благодаря которому все получают такие выгоды, также попользуется кое-чем.

Затруднение было в одном: как создать такое состояние вещей? Как поставить интересного Дирка в такое безвыходное положение, чтобы заставить Лизбету проявить свое благородство ради его спасения? Вот если бы Дирк был еретиком! А не окажется ли он им и в самом деле? Мудрено себе представить фигуру, более подходящую еретика: плосколицый, с манерами святоши и носящий темные чулки; Монтальво заметил, что все еретики, мужчины и женщины, носили чулки темного цвета, может быть, имея в виду умерщвление плоти. Одно только несколько противоречило предположению Монтальво: молодой человекпил слишком много за ужином накануне. Впрочем, и между еретиками попадались такие, которые не прочь были выпить. И лучшие люди иногда спотыкаются; еще старый монах-кастелян, учивший графа латыни, говорил: «Ergare humanum est».

Таким образом, размышления Монтальво сводились к следующему, для того чтобы выпутаться из затруднительного положения, необходимо, во-первых, чтобы Лизбета ван-Хаут через три месяца была его женой; во-вторых, если окажется невозможным устранить с дороги Дирка ван-Гоорля, отбив у него привязанность молодой девушки или возбудить ее ревность (вопрос: возможно ли заставить женщину так приревновать этого пентюха, чтобы она с досады решила выйти за другого?), надо принять более суровые меры, в-третьих, эти более суровые меры должны состоять в том, чтобы принудить Лизбету спасти ее возлюбленного от костра, соединившись браком с человеком, ради нее вошедшим в сделку со своею совестью и подстроившим все; в-четвертых, самый лучший способ приведения всего этого в исполнение – доказать, что возлюбленный – еретик, а если, к несчастью, этого нельзя будет доказать, то все же выставить его еретиком, и, в-пятых, пока как можно чаще видеться с мейнгерром ван-Гоорлем, потому что вообще при существующих обстоятельствах сближение необходимо, а кроме того, у него при случае можно и денег перехватить.

Розыски еретиков также стоят денег, так как придется прибегнуть к услугам шпионов; само собой разумеется, что друг Дирк, голландский каплун, должен сам доставить масло, в котором его станут жарить. И Монтальво закончил свое размышление так же, как начал его, – громким раскатом смеха, после чего он встал и принялся за вкусный завтрак.

Был уже шестой час пополудни этого дня, когда капитан и исполнявший должность коменданта Монтальво вернулся со службы домой: надо сказать, что он был усердный и дельный служака. При возвращении его встретил солдат-денщик, выбранный им за молчаливость и скрытность и, отдав честь, ждал приказа.

– Женщина здесь? – спросил Монтальво.

– Здесь, ваше сиятельство, хоть и нелегко ее было доставить сюда: я застал ее в постели, больной.

– Какое мне дело, что было трудно! Где она?

– В вашей комнате, ваше сиятельство!

– Хорошо. Смотри, чтоб никто не помешал нам, а когда она выйдет отсюда, следи за ней, пока она не дойдет до дома.

Солдат снова взял под козырек, а Монтальво вошел в комнату, тщательно заперев дверь за собою. Комната была не освещена, но через большое сводчатое окно лился яркий лунный свет, и при нем Монтальво увидел сидящую на стуле с прямой спинкой темную закутанную фигуру. Было что-то странное, почти сверхъестественное в этой фигуре, сидевшей в молчаливом ожидании. Она напомнила ему – иногда фантазия его разыгрывалась совершенно некстати – хищную птицу, сидящую на обрубке высохшего дерева в ожидании рассвета, когда она собирается лететь на ожидающую ее добычу.

– Это ты, тетушка Мег? – спросил он совершенно серьезно. – Совсем как в старое время, в Гале, не правда ли?

Освещенная луной фигура повернула голову. Монтальво увидел, как свет отразился на белках ее глаз.

– Кто же, как не я, ваше сиятельство, – отвечал охрипший от простуды голос, напоминавший карканье ворона, – хотя, правду сказать, не вашими молитвами жива. Крепкое надо иметь здоровье, чтобы не захворать, выкупавшись в проруби.

– Не ворчи: мне некогда слушать твою воркотню. Что тебя выкупали вчера, так поделом, за твою проклятую недогадливость. Разве ты не видала, что я веду свою линию, а ты портишь мне все. Я сделался бы посмешищем своих людей, если б стал слушать, как ты предостерегаешь против меня девицу, расположение которой я желаю сохранить.

– У вас всегда ведется какая-нибудь игра, ваше сиятельство, только если она кончается тем, что тетку Мег сначала ограбили, а потом чуть не потопили подо льдом, то тетка Мег этого не забывает.

– Ш-ш! Не у тебя одной есть память. Какая тебе была назначена награда? Двенадцать флоринов? Получишь их, и еще пять вдобавок: это хорошая плата за нырок в холодную воду. Будет с тебя?

– Нет, ваше сиятельство, мне нужна была жизнь, жизнь этой еретички. Мне надо было видеть, как она будет жариться на костре или топтать ее ногами, когда бы ее стали зарывать в землю. Я гонюсь за этой женщиной, зная – в ее голосе слышалась ярость, – что если я не убью ее, она постарается убить меня. Ее мужа и сына сожгли в основном потому, что я донесла на них, а она уж третий раз уходит от меня.

– Потерпи, потерпи, в конце концов все устроится. Ты словила двух: самого папеньку и его наследника, нечего ворчать, что маменька не сразу дается тебе в руки и недолюбливает тебя. Теперь слушай. Ты знаешь девицу, которой мне надо было угодить вчера. Она богата?

– Да, я знаю ее и знала ее отца. Он оставил ей полный дом, много бриллиантов и тридцать тысяч крон, помещенных на хорошие проценты. Хорошее приданное. Только получит его Дирк ван-Гоорль, а не вы.

– Вот в том-то и дело. Что ты знаешь о Дирке ван-Гоорле?

– Почтенный, работающий бюргер, сын зажиточных родителей, медников из Алькмаара. Он честен, только не особенно умен, он из таких людей, что богатеют, становятся бургомистрами, основывают приюты для бедных, а после смерти им ставят памятники.

– Ты отупела от холодной ванны. Когда я спрашиваю тебя о человеке, я хочу знать, что тебе известно против него.

– Понимаю, ваше сиятельство, только про этого ничего не скажешь. Ни любовных дел за ним нет, не играет он, не пьет, разве стаканчик после обеда. Весь день он работает у себя в конторе, ложится рано, встает рано, а в воскресенье ходит к ювфроу ван-Хаут. Вот и все.

– В какой церкви он бывает?

– Раз в неделю в соборе, но не причащается и не ходит к исповеди.

– Это плохо, очень плохо. Ведь ты не хочешь сказать этим, что он еретик?

– Очень вероятно, здесь их развелось много.

– Ужасно! Знаешь ли, мне бы не хотелось, чтобы эта прекрасная девушка, хорошая католичка, как мы с тобой, сблизилась с еретиком, который может подвергнуть ее разным опасностям. Кто может дотронуться до смолы и не запачкаться?

– Вы тратите попусту время, ваше сиятельство, – отвечала посетительница с усмешкой. – Что вам от меня надо?

– В интересах этой молодой девицы мне надо доказать, что этот человек еретик, и мне пришло на мысль, что ты, как особа привычная к таким делам, можешь найти подходящие улики.

– Да, ваше сиятельство. А не приходило вам в голову, на что будет похоже мое лицо, если я всуну ради вашей забавы свою голову в осиное гнездо? Знаете ли, что ждет меня, если я стану подглядывать за лейденскими еретиками? Они убьют меня. Их много, и все люди решительные; пока их не трогаешь, они тебя тоже не тронут; но только коснись их, так прощай. Мне

хорошо известны законы о Церкви и императоре, но император не может сжечь целый народ, и как я ни ненавижу их, все же я должна сказать... – она вскочила и продолжала страстным, убежденным голосом, – что в конце концов и законам, и монахам придется уступить. Да, эти голландцы перебьют всех священников и перережут вас, испанцев; тех же, которые останутся в живых, вытолкают в шею. Они станут плевать при воспоминании о вас и будут служить Богу по-своему; они сделаются гордым, свободным народом, а вы, как собаки, станете глотать кости, оставшиеся от вашего прежнего величия; вас загонят в вашу конуру, и вы околеете в ней!.. Вот что я скажу вам, – закончила Мег изменившимся голосом, опускаясь на стул. – Я слышала, как этот дьявол, Марта-Кобыла, говорила так на катке, и мне кажется, ее слова сбудутся: вот почему я так запомнила их.

– Кажется, действительно госпожа Кобыла более интересная особа, чем я думал, и если она говорит такие речи, то следовало бы утопить ее. А пока оставим пророчества: пусть наши потомки выпутываются, как хотят, мы же приступим к делу. Сколько тебе надо за показания, которых было бы достаточно, чтобы уличить ван-Гоорля?

– Пятьсот флоринов, ни одного стивера меньше, ваше сиятельство; и не тратьте время попусту, торгуясь со мною: вам нужны веские улики – улики, которые могли бы удовлетворить Совет или того, кому будет поручено рассмотрение дела, а это значит, что надо доставить двух надежных свидетелей. Говорю вам, дело нелегкое подобраться к этим еретикам; для честного человека, который возьмется за это дело, в нем много опасного: еретики – народ отчаянный, и если они заметят, что за ними кто подсматривает, когда они справляют свою дьявольскую службу на одной из своих сходок, так не задумаются убить того человека.

– Все это я знаю, тетушка. Чего ты разглагольствуешь! Ведь для тебя это дело привычное. Вот тебе сказ: получишь деньги, когда добудешь улики. А теперь, если мы с тобой будем оставаться здесь долго, пойдут толки... Кто тут спрячется от сплетников? Так прощай же, тетушка, спокойной ночи!

Он повернулся, собираясь выйти из комнаты.

– Нет, ваше сиятельство, как же так, без задатка, – закаркала она с негодованием. – Я не могу работать только под ваше слово.

– Сколько? – спросил он.

– Сто флоринов чистоганом.

Несколько минут они ожесточенно торговались, близко нагнувшись друг к другу в полосе лунных лучей, и лица их имели такое противное выражение, так ясно был написан на них их злодейский замысел, что при этом слабом свете их можно было принять за выходцев преисподней, торгующихся из-за человеческой души. Наконец они сошлись на пятидесяти флоринов, и, получив задаток на руки, Черная Мег удалилась.

– Всего шестьдесят семь, – ворчала Мег, выходя на улицу. – Нечего было требовать больше, ведь у него нет денег, он беден, как Лазарь, а жить желает богачом, к тому же, как говорили в Гааге, еще играет. Да и в его прошлом не все чисто, я кое-что слыхала про это. Надо разнюхать, быть может, удастся узнать кое-что из пачки бумаг, которую я стянула из его письменного стола, пока дожидалась (она ощупала, действительно ли бумаги у нее за пазухой), хотя очень может оказаться, что это только неоплаченные счета. Ну, мой любезный капитан, прежде чем ты развяжешься с Черной Мег, она покажет тебе, как платят горячей ванной за холодную.

Глава V. Сон Дирка

На следующий день после свидания Монтальво с Черной Мег Дирк получил послание, принесенное денщиком, с напоминанием об обещании обедать с графом в этот вечер. Дирк не помнил, чтобы он давал подобное обещание, но, вспомнив со стыдом, что многое из случившегося за ужином весьма неясно у него в памяти, он решил, что и обещание относится к числу этих вещей.

И, таким образом, Дирку против воли пришлось отвечать, что в условленный час он будет у графа.

Это было уже третье, что раздосадовало Дирка в этот день. Во-первых, он встретил Питера ван-де-Верфа, который сообщил ему, что весь Лейден толкует о Лизбете и капитане Монтальво, который, говорят, ей очень нравится. Потом – когда Дирк отправился к Лизбете ван-Хаут и ему сказали, что она поехала кататься в санях с теткой, чему он не поверил, так как наступила оттепель и испортила дорогу. Однако он мог бы еще усомниться в своем предположении, если бы, переходя через дорогу, не увидел красивого лица тетушки Клары, выглядевшего из-за гардин гостиной верхнего этажа. Он так и сказал Грете, отворившей ему дверь, чего она обыкновенно не делала.

– Очень жаль, если мейнгерру чудятся вещи, которых нет, – невозмутимо заявила служанка. – Я уже сказала мейнгерру, что барышня и тетушка уехали кататься.

– Знаю, Грета, только что им за охота кататься в такую слякоть?

– Не знаю, мейнгерр. Они делают, что им вздумается. Не мое дело спрашивать, почему им так угодно.

Дирк посмотрел на Грету и убедился, что она лжет. Опустив руку в карман, он, к своей досаде, заметил, что забыл кошелек, тогда ему пришла было мысль поцеловать девушку и таким образом вытянуть у нее правду, но, подумав, что она может рассказать это Лизбете и испортить так все дело, он покорился своей участи и, ограничившись тем, что сказал: «В самом деле!» – ушел.

– Глупый! – рассуждала про себя Грета, смотря ему вслед. – Он знал, что я лгу, почему же он прямо не вошел, отстранив меня? Ах, мейнгерр Дирк, смотрите, как бы этот испанец не выхватил у вас дичь из-под носа. Конечно, он гораздо интереснее вас. Надоели мне эти лапчатые лейденцы, которые не решаются даже осла позвать, боясь как бы он не закричал. Между такими святыми приятно ради разнообразия увидеть человека позлее.

После этого Грета, в жилах которой, как уроженки Брюсселя, текла французская кровь, пошла наверх доложить своей госпоже о происшедшем.

– Я не просила тебя говорить неправду, будто я уехала кататься. Я приказала только ответить, что меня нет дома, и прошу передать то же капитану Монтальво, если он придет, – сказала Лизбета с некоторым раздражением, отпуская Грету.

В действительности ей было грустно, досадно и совестно перед собой за это. Все так не ладится, а несноснее Дирка нет человека на свете. Благодаря его недогадливости и неповоротливости теперь ее имя произносится вместе с именем Монтальво за всеми столами Лейдена. И вдруг еще ко всему она узнает из записки, присланной Монтальво с извинением, что он не сделал ей визита после вчерашнего ужина, будто Дирк обедает с ним сегодня. Отлично, пускай себе! Она сумеет отплатить ему и готова действовать сообразно его поступкам.

Так думала Лизбета, в досаде топя ножкой, на душе же у нее все время было тяжело. Она очень хорошо сознавала, что любит Дирка, и, как ни странна была его сдержанность, видела, что он любит ее. А между тем она чувствовала, как будто их разделяет широкая река. Сначала это был ручеек, но теперь он превратился в поток. А что хуже всего, что испанец был на одном берегу с ней.

Несколько победив свою досаду и застенчивость, Дирк заметил, что ему очень приятно обедать у Монтальво. Кроме него было еще трое гостей: два испанских офицера и один голландец, сверстник Дирка по годам и положению, по фамилии Брант. Он был сын почтенного и богатого золотых дел мастера из Гааги, отправившего сына в Лейден, чтобы изучить некоторые секреты у одного из ювелиров, знаменитого изяществом своих произведений. Обед и сервировка были безукоризненны; но лучше всего оказалась беседа, ведшаяся в таком тоне, какого Дирк никогда не слышал за столом у людей своего класса. Нельзя сказать, как того можно было ожидать, чтобы разговор был особенно свободный, нет, это был разговор очень образованных людей, много путешествовавших, видевших многое и лично принимавших участие во многих трагических событиях времени, – людей, не зараженных религиозными предрассудками и старавшихся прежде всего сделать свое общество приятным и полезным для гостя. Герр Брант, еще недавно приехавший из Гааги, оказался также умным и воспитанным человеком, получившим более тщательное образование, чем большинство людей его круга, и привыкшим встречаться за столом своего отца, гаагского бургомистра, с людьми самых различных классов и состояний. Там же он познакомился и с Монтальво, который, встретив его на улице и узнав, пригласил к обеду.

Когда убрали со стола, один из испанских офицеров поднялся, прося извинить его, так как ему необходимо было уйти по делам службы.

После его ухода Монтальво предложил сыграть партию в кости. Дирку хотелось бы отказаться, но он не решился, боясь показаться смешным в глазах блестящих светских людей.

Игра началась, и так как она была очень незамысловатая, то Дирк скоро усвоил себе все ее приемы и даже стал находить в ней удовольствие. Сначала ставки были невысокие, но они постепенно удваивались, и наконец Дирк заметил с удивлением, что он ставит значительные суммы и выигрывает. Потом счастье несколько изменило ему, но когда игра кончилась, он оказался в выигрыше на триста пятьдесят флоринов.

– Что мне с ними делать? – спросил он, видя, как проигравшие с весьма понятными вздохами подвигают ему деньги.

– Что делать? – со смехом переспросил Монтальво. – Вот так младенец! Ну, купите вашей или чужой даме сердца подарок. Нет, я вам посоветую лучшее употребление: угостите нас завтра у себя самым изысканным обедом, какой можно изготовить в Лейдене, а потом дайте случай вернуть часть нашего проигрыша. Идет?

– Если вам будет угодно, господа, – скромно согласился Дирк, – хотя моя квартира не достойна такого общества.

– Конечно, угодно! – в один голос заявили все трое, и, назначив час встречи, собеседники разошлись. Брант дошел с Дирком до дверей его квартиры.

– Я собирался к вам завтра, – сказал он, – с рекомендательным письмом от отца, хотя вряд ли в нем была нужда – ведь мы троюродные братья: наши матери были двоюродными сестрами.

– Да, правда. Мать часто говорила о Бранте из Гааги, которым очень гордилась, хотя почти не знала его. Очень рад, надеюсь, мы подружимся.

– Уверен, что так, – отвечал Брант, и, взяв Дирка под руку, пожал ее особенным образом, так, что Дирк вздрогнул и оглянулся. – Ш-ш! – продолжал Брант, – не здесь! – и они продолжали разговор о знакомых, с которыми только что расстались, и об игре сегодняшнего вечера, причем Дирк высказал сомнение о пригодности подобного развлечения.

Молодой Брант пожал плечами.

– Мы живем в мире, – сказал он, – поэтому должны научиться понимать мирское. Если, рискуя несколькими золотыми, потеря которых не разорит нас, мы получаем возможность лучше познакомиться со светом, то я готов пожертвовать деньгами, особенно, если это поможет нам стать в хорошие отношения с теми, с кем при существующих обстоятельствах благо-

разумие велит вести дружбу. Только, если вы позволите мне сказать вам это, не пейте больше, чем можете переносить. Лучше проиграть тысячу флоринов, чем выронить одно слово, которое не в состоянии будешь потом припомнить.

– Знаю, знаю, – отвечал Дирк, вспомнив об ужине у Лизбеты, и простился с Брантом у дверей своей квартиры.

Подобно большинству голландцев, Дирк, задумав сделать что-нибудь, старался сделать это как можно лучше. Теперь, обещав дать обед, он желал дать вполне хороший обед. При обыкновенных условиях он, конечно, прежде всего посоветовался бы с кузиной Лизбетой и тетушкой Кларой, но после истории с катаньем, чистейшей выдумкой, как удостоверился Дирк, расспросив кучера, которого встретил случайно, самолюбивому молодому человеку не хотелось идти к своим родственникам. Поэтому он сначала обратился к своей квартирной хозяйке, почтенной даме, а потом, по ее совету, к содержателю первой гостиницы в Лейдене, человеку находчивому и опытному. Содержатель гостиницы, зная, что такой заказчик заплатит хорошо, охотно взялся за дело, и к пяти часам следующего дня целый отряд поваров и других слуг взбирался на лестницу квартиры Дирка, неся всевозможные кушанья, способные, как предполагалось, возбудить своим видом аппетит высокопоставленных гостей.

Квартира Дирка состояла из двух комнат на втором этаже старого дома на улице, переставшей считаться аристократической. Некогда это был красивый дом и, по понятиям того времени, комнаты были красивы, особенно гостиная – низкая, большая, обитая дубом, с изящным камином, украшенным гербом строителя. Прямо из нее дверь вела в спальню, не имевшую другого выхода, также обитую дубом, с высокими стенными шкафами и великолепной резной кроватью, по виду несколько напоминавшей катафалк.

В назначенный час явились гости. Празднество началось, повара засуетились, ставя перемены кушаний, изготовленных в гостинице. Над столом спускалась люстра с шестью подсвечниками, в каждом из которых оплывала сальная свеча, освещая сидевших за столом, но оставляя прочую часть комнат в большей или меньшей темноте. К концу ужина часть обгоревшей светильни одной из этих свеч упала в медный соусник, стоявший под люстрой, и жир загорелся. При свете внезапно вспыхнувшего пламени Монтальво, сидевшему напротив двери и случайно поднявшему глаза, показалось, будто вдоль стены в спальню скользнула высокая темная фигура. Одну только секунду капитан видел ее, затем она исчезла.

– Caramba, друг мой, – обратился он к Дирку, сидевшему к фигуре спиной, – в вашей мрачной квартире, кажется, водятся приведения! Мне почудилось, будто сейчас одно скользнуло мимо нас.

– Привидения? – отвечал Дирк. – Не слыхал; я не верю в приведения. Не угодно ли еще паштета?

Монтальво взял еще паштета и запил стаканом вина. Он не продолжал разговора о привидениях: быть может, ему пришло в голову объяснение виденного, как бы то ни было, он не сказал ничего больше.

После обеда стали играть, и на этот раз ставки начались с той суммы, на которой остановились накануне. Сначала Дирк проигрывал, но потом счастье вернулось к нему, и он стал выигрывать крупные суммы главным образом от Монтальво.

– Друг мой, – воскликнул наконец капитан, бросая кости, – вы, без сомнения, обречены на несчастье в супружеской жизни, потому что дьявол сидит в вашем игорном стакане, а его высочество всего не даст одному человеку. Я – пас! – И он встал.

– И я также, – заявил Дирк, следуя за ним к окну и не желая брать больше денег. – Вам очень не везло, граф, – сказал он.

– Да, – отвечал Монтальво, зевая, – мне теперь целых шесть месяцев придется жить... воспоминанием о вашем прекрасном обеде.

– Все это очень досадно, – сконфуженно проговорил Дирк, – мне не хотелось бы брать ваших денег; проклятые кости сыграли со мной такую штуку. Не станем больше говорить об этом.

– Офицер и дворянин не может так отнестись к долгу чести, – сказал Монтальво, вдруг став серьезным, но, – прибавил он с коротким внезапным смехом, – если другой дворянин будет настолько добр, что согласится покрыть долг чести другим долгом чести, то дело другое. Если бы, например, вы могли одолжить мне четыреста флоринов, которые вместе с проигранными мною шестьюстами составят тысячу, то это было бы очень кстати для меня; только прошу вас, если это почему-нибудь неудобно для вас, забудьте о моих словах.

– Я здесь, за своим собственным столом, выиграл такую сумму, – отвечал Дирк, – и прошу вас взять ее.

Собрав стопку золота, он пересчитал ее на ладони с ловкостью купца и протянул деньги Монтальво.

Монтальво заколебался, но затем взял золотые и небрежно опустил их в карман.

– Вы не сочли, – заметил Дирк.

– Совершенно излишнее, – отвечал его гость, – ваше слово – лучшее ручательство, – и он снова зевнул, сказав, что уже поздно.

Дирк подождал несколько секунд, думая в своей простоте делового человека, что благородный испанец упомянет о каком-нибудь письменном обязательстве, но видя, что это и в голову не приходит его гостю, он направился к столу, где двое других его гостей показывали различные фокусы с картами.

Несколько минут спустя испанцы попрощались, и Дирк остался наедине с Брантом.

– Очень удачный вечер, – сказал Брант, – и вы много выиграли.

– Да, – отвечал Дирк, – и тем не менее я беднее, чем был вчера.

Брант засмеялся и спросил:

– Он занял у вас? Я так и знал, и скажу вам: не рассчитывайте на эти деньги. Монтальво по-своему добрый малый, но он взбалмошен и отчаянный игрок; прошлое его, как мне кажется, тоже не безупречно: по крайней мере, никто не знает о нем ничего, даже его сослуживцы – офицеры. На ваш вопрос они пожимают плечами и говорят, что Испания – большой котел, в котором довольно всякой рыбы. Одно я только знаю достоверно – что он по уши в долгах, в Гааге у него по этому поводу возникли затруднения. Советую вам больше не играть с ним, а на эти тысячу флоринов не рассчитывать. Для меня тайна, как он перебивается, но мне говорили, что какая-то старая дура из Амстердама снабжала его деньгами, пока не узнала... однако, я начинаю сплетничать. А теперь скажите, – спросил он, изменяя голос, – здесь никого нет, кроме нас?

– Посмотрим, – отвечал Дирк, – со стола убрали, и старая экономка уже приготовила мне постель. Никто не заходит сюда после десяти часов. В чем дело?

Брант дотронулся до его руки, и, поняв прикосновение, Дирк отошел к нише у окна. Здесь, обратившись спиной к комнате и сложив руки на груди особенным образом, он произнес слово: «Иисус» – и остановился. Брант так же сложил руки и отвечал или, скорее, dokonчил: «плакал». Это был пароль последователей новой религии.

– Вы один из наших? – спросил Дирк.

– Я и вся моя семья: отец, мать, сестра и девушка, на которой я женюсь. Мне сказали в Гааге, что от вас или молодого Питера ван-де-Верфа я получу те сведения, которые нужны нам, последователям веры: кому мы можем и кому не должны доверять, где удобно собираться для молитвы и где мы можем причаститься.

Дирк взял руку родственника и пожал ее. Брант отвечал пожатием, и с этой минуты между молодыми людьми установилось полное доверие, как между родными братьями, так как их теперь связывали узы общей горячей веры.

И теперь подобная связь существует между девятью десятками людей из сотни, но она не порождает уже такого взаимного доверия. Это зависит от изменившихся обстоятельств. Благодаря в значительной степени Дирку ван-Гоорлю и его современникам – последователям, особенно же одному из них – Вильгельму Оранскому, набожные и богобоязненные люди уже не принуждены теперь для поклонения Всемогущему в чистом и простом служении прятаться по углам и дырам, подобно скрывающимся от закона злодеям, зная, что если их застанут, то всех вместе с женами и детьми ожидает костер. Теперь тиски для пальцев и всякие орудия пытки, служившие к уличению еретиков, валяются по пыльным шкафам музеев, но несколькими поколениями раньше было совсем иное дело: тогда с человеком, осмеливавшимся не согласиться с некоторыми учениями, обращались гораздо бесчеловечнее, чем с собакой на столе вивисектора.

Не удивительно после этого, что те, над которыми тяготело такое проклятие, которые постоянно должны были жить в ожидании подобного исхода, сплачивались теснее, сильнее любили и поддерживали друг друга до последней минуты, часто переходя рука об руку через огненные ворота в ту страну, где нет больше страданий. Быть приверженцем новой религии в Нидерландах в ужасное царствование императора Карла и Филиппа, значило принадлежать к одной обширной семье. Не существовало обращения «мейнгерр» или «меффроу», но только «батюшка» и «матушка», «сестра» или «брат» даже между людьми, стоявшими на весьма различных ступенях и совершенно чужими между собой – чужими по плоти, но родными по духу.

Понятно, что при подобных обстоятельствах Брант и Дирк, и без того уже почувствовавшие взаимную симпатию, скоро вполне сошлись и сдружились.

Они сидели в нише окна, рассказывая друг другу о своих семьях, сообщая свои надежды и опасения и даже открываясь в своей любви. В последнем Гендрику Бранту улыбнулось счастье. Он был женихом единственной дочери богатого гаагского виноторговца, по его рассказам, красавицы, такой же доброй, как и богатой; и свадьба их должна была состояться весной. Когда же Дирк сообщил ему о своем деле, Брант покачал своей благоразумной головой.

– Ты говоришь, что и она, и ее тетка католички? – спросил он.

– Да, в этом-то и беда. Мне кажется, я нравлюсь ей, или, по крайней мере, нравился несколько дней тому назад, – прибавил Дирк грустно. – Но как я, еретик, могу сделать ей предложение, не открывшись? А это, ты сам знаешь, не согласно с правилами, и я не смею нарушить их.

– Не лучше ли тебе посоветоваться с кем-нибудь из старших, кто молитвой и словами мог бы тронуть ее сердце, чтобы свет истины засиял для нее? – спросил Брант.

– Я уже пытался, но тут мешает эта красноносая тетушка Клара, ярая католичка, да еще служанка Грета, которую я считаю прямо за шпионку. Стоя между ними, Лизбета вряд ли до замужества познает истину. И как я осмелюсь жениться на ней? Смею ли я женитьбой навлечь на нее ту ужасную судьбу, какая, быть может, ожидает нас с тобой? А кроме того, с тех пор как этот Монтальво перешел мне дорогу, между мною и Лизбетой все как-то не ладится. Не далее как вчера она не велела пускать меня к себе.

– У женщин бывают свои фантазии, – медленно отвечал Брант, – может быть, она капризничает и, может быть, сердится на тебя, что ты до сих пор не объяснился, но зная, каков ты, как ей читать у тебя в сердце?

– Может быть, может быть, – сказал Дирк, – но я не знаю, что делать. – И в отчаянии он ударил себя рукой по лбу.

– Что же мешает нам, брат, в таком случае обратиться к тому, кто может научить нас? – спокойно предложил Брант.

Дирк сразу понял, что он хотел сказать.

– Это умная мысль, хорошая мысль! – одобрил он. – У меня есть святая книга, сначала помолимся, а затем поищем в ней мудрости.

– Какой ты богач! – воскликнул Брант. – Ты скажешь мне как-нибудь, каким образом ты достал ее?

– Здесь, в Лейдене, такие книги не трудно достать, если имеешь, чем заплатить, – отвечал Дирк, – а вот что трудно, так это сохранить их в тайне, потому что попасться с Библией в кармане – значит нести в кармане свой смертный приговор.

Брант кивнул утвердительно головой.

– Ты можешь показать мне ее сейчас? – спросил он.

– Могу; здесь мы, по-видимому, в безопасности: ставни закрыты, дверь мы запрем, если она еще не заперта; однако кто может считать себя в безопасности в стране, где крысы и мыши разносят новости, а ветер служит свидетелем? Пойдем, я покажу тебе, где я храню ее.

Подойдя к камину, Дирк снял один из подсвечников из простой меди с массивной овальной подставкой, украшенной двумя массивными медными змеями, и зажег свечу.

– Нравится тебе эта вещь? Она исполнена по рисунку, который я набросал в свободное время, – спросил он, смотря на подсвечник с любовью художника. Затем, не ожидая ответа, он направился к двери в спальню и остановился.

– Что такое? – спросил Брант.

– Мне показалось, что я слышу шум: вероятно, хозяйка ходит у себя наверху.

Они вошли в спальню, где, обойдя комнату, чтобы убедиться, что никого нет, Дирк подошел к изголовью массивной дубовой постели, украшенному таким же гербом великолепной резной работы, как камин в гостиной, и, отодвинув одну из досок, из потайного шкафчика, скрывавшегося в спинке постели, вынул книгу в кожаном переплете. Снова задвинув дверцу тайника, молодые люди вернулись в гостиную и положили книгу на дубовый стол рядом с подсвечником.

– Прежде всего помолимся, – предложил Брант.

Не странно ли, что этим двум молодым людям, имевшим, без сомнения, каждый свои слабости – один, как мы видели, мог, например, при случае выпить лишнее, да и другой, вероятно, имел общечеловеческие недостатки, – после веселого обеда и крупной игры, пришла мысль помолиться, стоя рядом на коленях, перед тем, как приступить к чтению Священного писания? Но в те тяжелые времена, молитва, теперь столь обычная и столь часто забываемая, была настоящей роскошью. Для этих несчастных гонимых людей было истинной радостью молить и благодарить Господа тогда, когда они думали, что им не грозит меч тех, кто поклонялся Богу иначе. Религия, исповедовать которую запрещалось, стала для ее последователей жизненным вопросом, отрадой, которой они старались пользоваться при каждом случае, совершая молитву торжественно и с благодарностью в сердце. Так и теперь, при свете оплывающих свечей друзья опустили на колени, и Брант произнес вслух за обоих молитву – трогательное и прекрасное обращение к Богу.

Подлинные слова молитвы имеют мало значения, но важен их смысл: Брант молился о своей Церкви и об освобождении и укреплении своей родины, молился даже об императоре, этом чувственном, жадном, эгоистичном, обезображенном заячьей губой отпрыске Габсбургов. Потом он стал молиться о себе и своем товарище, обо всех, кто был дорог им и наконец о том, чтобы Господь просветил Дирка в его теперешнем затруднении. Молитву заключило прошение о прощении всех врагов, даже мучивших и сжигавших последователей другой веры на кострах, ибо они не знают, что творят. Невозможно представить себе людскую молитву, более проникнутую истинным христианским духом.

Когда, наконец, Брант замолк и оба молящихся поднялись с колен, Дирк предложил:

– Не раскрыть ли нам Библию и не прочесть ли то место, которое первое бросится в глаза?

– Нет, – отвечал Брант, – это будет похоже на суеверие: так поступали древние с сочинениями поэта Вергилия, и нам, носителям светоча, неприлично следовать примеру этих слепых язычников. Какую книгу Библии ты изучаешь теперь, брат?

– Первое письмо апостола Павла к коринфянам, которое я прежде никогда не читал, – отвечал Дирк.

– Начни же с того места, где остановился, и дочитай главу до конца. Быть может, мы найдем в ней совет, если нет, то, значит, нам не суждено получить ответ сегодня.

Дирк начал читать седьмую главу, в которой великий апостол как раз касается вопроса о браке. Он читал спокойным, ровным голосом, пока не дошел до двенадцатого и четырех последующих стихов, из которых в последнем говорится: «Ибо неверующий муж освящается женою верующею, а жена неверующая освящается мужем верующим. Иначе дети ваши были бы нечисты, а теперь святы. Если же неверующий хочет развестись, пусть разводится; брат или сестра в таких случаях не связаны, к миру призвал нас Господь. Почему ты знаешь, жена, не спасешь ли мужа? Или ты, муж, почему знаешь, не спасешь ли жены?..»

Голос Дирка задрожал, и он остановился.

– Читай до конца главы, – сказал Брант, и чтец продолжал.

Позади них послышался какой-то звук. Они не заметили, как дверь из спальни чуть-чуть приотворилась, и не видали, как в отверстии мелькнуло что-то белое: женское лицо, обрамленное черными волосами над парой неподвижных злых глаз. Сатана, впервые поднявший голову в раю, наверное, имел такое выражение. Вытянув длинную шею, фигура подалась вперед, но вдруг шорох или движение испугали ее, и она поспешно отодвинулась назад, как испуганная змея, извивающая свой хребет. Дверь снова затворилась.

Глава окончена, молитва прочтена, но долго, может быть, придется ждать на нее ответа этим нетерпеливым людям, не знающим, что подобно тому, как много времени нужно лучу, чтобы достигнуть до нас от отдаленной звезды, так же и ответ на молитву, обращенную к Боже-ству, может прийти не скоро – не сегодня и не завтра. Его может узнать не настоящее поколение и не текущее столетие: молитва может исполниться тогда, когда дети детей тех, чьи уста произносили эту молитву, в свою очередь уже превратятся в прах. Однако никогда подобная молитва не остается без ответа; так и нашей теперешней свободой мы, может быть, обязаны тем, кто уже умер в то время, когда жили Дирк ван-Гоорль и Гендрик Брант; так и отмщение, постигшее теперь Испанию, может быть возмездием за те позорные поступки, которые позволяли себе испанцы с давно ушедшими поколениями. Божество – всегда Божество, подобно тому, как звезда – всегда звезда; от первого изливается правосудие, как от второй – свет, и для них время и пространство – ничто.

Дирк дочитал главу до конца и закрыл Библию.

– Брат, ты, кажется, получил ответ, – спокойно сказал Брант.

– Да, – отвечал Дирк, – он ясен: «Неверующий муж освящается женою... Почему ты знаешь, муж, не спасешь ли ты жену?» Если бы апостол предвидел случай со мной, он не мог бы дать более определенного ответа.

– Он или Дух, говорящий через него, знал все случаи и писал для всех людей, когда бы они ни родились, – отвечал Брант. – Это урок для нас. Если бы ты заглянул сюда раньше, то раньше бы и получил ответ и, может быть, не испытал бы многих огорчений. Теперь, без сомнения, ты должен поспешить переговорить с ней, предоставив все остальное Богу.

– Да, – отвечал Дирк, – как можно скорее. Но есть еще один вопрос: должен я сказать ей всю правду?

– Я бы не стал скрывать ее, друг, а теперь – спокойной ночи. Не провожай меня до дверей. Кто знает, может быть, на улице кто-нибудь и подсматривает; не следует, чтобы нас видели вместе так поздно.

После ухода своего родственника и нового друга Дирк еще сидел, пока оплывавшие сальные свечи в люстре не догорели до самого конца. Затем, вынув свечу из подсвечника, украшенного змеей, он зажег эту свечу, загасив люстру, и, войдя в спальню, стал раздеваться. Биб-

лию он снова спрятал в потайной шкафчик и задвинул его дверцу. После этого Дирк погасил свечу и взобрался на свою высокую постель.

Обыкновенно Дирк спал превосходно: как только голова его касалась подушки, глаза его смыкались и раскрывались только в привычное время утром. Но в эту ночь он не мог заснуть: было ли то последствием обеда и вина или игры, или молитвы и отыскивания текста в писании, только сон бежал, и это раздражало Дирка. Он лежал, не смыкая глаз, и думал, смотря, как лунный свет широкими снопами врывается в окно и заливал комнату.

Вдруг Дирку стало страшно: ему показалось, будто в комнате был еще кто-то, кроме него, кто-то злой и недоброжелательный. Никогда прежде он не думал о духах и не боялся их, но теперь ему вспомнился вопрос Монтальво о привидении, и ему положительно казалось, что оно возле него. В этой странной новой тревоге он искал себе опоры и не находил иной, кроме той, к которой старый, простой священник советовал ему прибегать в минуты затруднения и смятения, а именно: взять Библию и, прижав ее к себе, помолиться.

Это было нетрудно исполнить. Приподнявшись на постели, Дирк достал Библию из шкафчика и задвинул дверку. Затем, положив книгу между собой и периной, он снова лег, и чары как будто подействовали: он скоро уснул.

Но тут Дирку приснился страшный сон. Ему снилось, что над ним наклонилась какая-то высокая темная фигура и длинная белая рука что-то шарил у его изголовья, пока он не услышал, как дверца потайного шкафчика со скрипом затворилась.

Тогда ему показалось, что он проснулся и что его глаза встретились с двумя другими глазами, смотревшими на него так пристально, будто желали прочесть его самые сокровенные мысли. Он не встал и не мог пошевелиться, но тут он увидел во сне, как фигура выпрямилась и стала скользить прочь, то появляясь, то снова исчезая, по мере того как она проходила через полосы лунного света, пока окончательно не скрылась за дверью.

Через секунду после этого Дирк проснулся и почувствовал, что, несмотря на довольно холодную ночь, пот крупными каплями выступил у него на лбу и на всем теле. Но, странно, страх его теперь совершенно рассеялся; зная, что ему приснился не более как сон, он перевернулся, дотронулся до Библии на груди и заснул, как дитя, чтобы проснуться только утром, когда луч восходящего зимнего солнца упал ему прямо в лицо.

Дирк припомнил тогда сон прошедшей ночи, и у него на душе стало тяжело: ему казалось, что это привидение черной женщины, впившейся в его лицо своими страшными глазами, было предзнаменованием какой-то близкой беды.

Глава VI. Лизбета выходит замуж

На следующее утро, когда Монтальво вошел к себе в кабинет после завтрака, он нашел там ожидавшую его даму, в которой, несмотря на длинный плащ и вуаль, закутывавшие ее, без труда узнал Черную Мег. Действительно, Мег ждала его уже некоторое время и по свойственной ей любознательности не потеряла его даром.

Читатель, вероятно, помнит, что в свое предыдущее посещение капитана Монтальво она успела захватить бумаги, которые нашла в незапертом столе. При ближайшем рассмотрении эти бумаги оказались, как она того опасалась, не имеющими никакого значения – неоплаченными счетами, военными рапортами, записками от дам и т. д. Однако, раздумывая, Черная Мег припомнила, что в ящике был еще внутренний ящик, который, казалось, был заперт; и поэтому она на всякий случай захватила с собой связку ключей вместе с двумя маленькими стальными инструментиками и явилась к капитану в такое время, когда знала наверняка, что Монтальво завтракает в другой комнате. Все шло хорошо: Монтальво завтракал, а Мег осталась одна в комнате, где стоял стол. Об остальном можно догадаться. Положив принесенную с собой пачку в ящик, Мег с помощью своих ключей и инструментиков отперла внутренний ящик. Здесь действительно оказались письма и в маленьком футляре, оправленном в золото, две миниатюры: одна – портрет молодой красивой женщины с темными глазами, другая – двух детей, мальчика и девочки пяти и шести лет. Также тут лежал локон волос в бумажке с надписью рукою Монтальво: «Волосы Жуаниты, данные мне на память».

Это была драгоценная находка, и Мег поспешила завладеть ею. Спрятав все за пазуху, чтобы рассмотреть на досуге, она имела предосторожность сделать из разных бумажек пакетик наподобие взятого, который положила в ящик, прежде чем запереть его.

Устроив все по своему желанию, Мег вышла на крыльцо, где проболтала с часовым, пока снова не вернулась в кабинет как раз в ту самую минуту, как туда через противоположную дверь входил Монтальво.

– Ну, любезнейшая, – обратился он к Мег, – достала доказательство?

– Кое-что добыла, ваше сиятельство, – отвечала она. – Я была в доме во время обеда, который вам давали, хотя никто не видал меня, и оставалась еще после вас.

– В самом деле? Мне показалось, что ты проскользнула мимо, и я похвалил тебя за догадливость: ты прекрасно придумала пробраться туда, пока народ двигался взад и вперед. Отправляясь домой, я, кажется, узнал также одного человека, которого ты почтила своей дружбой, – лысого низенького толстяка, в Гааге его, кажется, звали Мясником. Ну, не гримасничай, я не намерен допытываться женских тайн; но мое положение здесь обязывает меня знать некоторые вещи. Что же ты видела?

– Ваше сиятельство, я видела, как молодой человек, за которым я должна была наблюдать, и Гендрик Брант, сын богатого гаагского золотых дел мастера, стоя на коленях молились.

– Это дурно, – сказал Монтальво, – покачивая головой, – но...

– Я видела, – продолжала она своим хриплым голосом, – как они вместе читали Библию.

– Возмутительно! – произнес Монтальво с притворным содроганием. – Действительно возмутительно, если только я могу верить тебе, моей набожной приятельнице, что два человека, считавшихся до сих пор почтенными людьми, попались в том, что читали книгу, на которой основывается наша вера. Действительно, люди, способные углубляться в такую скуку, «недостойны жизни», говоря словами эдикта. Ну, а доказательство есть? Книга, конечно, у тебя?

Тут Черная Мег рассказала все по порядку: как она подсматривала и увидела кое-что, как подслушивала, но слышала мало, как открыла потайной шкафчик, нагнувшись над спящим, и не нашла ничего.

– Плохой же ты шпион, тетушка, – заметил капитан, когда она замолкла, – и, клянусь, я не думаю, чтобы папский инквизитор мог повесить молодого человека, только основываясь на твоём свидетельстве. Вернись и добывай новые доказательства.

– Нет, – решительно заявила Мег, – если хотите добывать улики, добывайте их сами. Так как я намереваюсь продолжать жить здесь, то не хочу впутываться в такие дела. Я доказала вам, что этот молодой человек еретик; давайте же следуемое мне вознаграждение.

– Твое вознаграждение?.. За что? Вознаграждение дается за услугу, а я не вижу таковой с твоей стороны.

Черная Мег вышла из себя.

– Молчи, – сказал Монтальво, оставляя шуточный тон. – Я стану говорить с тобой откровенно. Я не желаю жечь кого бы то ни было. Мне надоела вся эта бессмыслица из-за религии, и по-моему, пусть себе лейденцы читают Библию до одурения. Я хочу жениться на ювфроне Лизбете ван-Хаут, и для этого должен доказать, что человек, которого она любит, Дирк ван-Гоорль, еретик. Того, что ты сказала мне, может быть достаточно или недостаточно для моих целей. Если окажется достаточно, я тебе щедро заплачу после свадьбы, если нет, так с тебя будет и того, что ты уже получила.

Сказав это, Монтальво позвонил в колокольчик, стоявший на столе, и прежде, чем Мег собралась ответить, в дверях показался солдат.

– Проводи эту женщину, – приказал капитан и затем прибавил: – Я постараюсь передать вашу просьбу куда следует, а пока возьмите от меня, – и он сунул Мег в руку флорин. – А теперь скорей веди сюда арестованных: мне некогда терять время... – приказал он солдату. – Да слушай, чтоб мне не мешали всякие нищие, а не то, смотри у меня...

В этот же день после обеда Дирк, одетый в свое лучшее платье, отправился в дом Лизбеты, где дверь ему опять отворила Грета и в ожидании смотрела на него.

– Дома барышня? – запинаясь, спросил он. – Мне надо видеть ее.

– Какое несчастье, мейнгерр, – отвечала девушка, – вы опять опоздали. Барышня и фруу Клара уехали на неделю или дней на десять: здоровье фруу Клары требовало перемены климата.

– В самом деле? – спросил совершенно растерявшийся Дирк. – Куда же они уехали?

– Не знаю, мейнгерр, они не сказали мне.

Больше ничего Дирк не мог добиться от служанки. Так он и ушел, совершенно сконфуженный и не зная, что думать.

Час спустя явился с визитом Монтальво и – удивительно – оказался счастливее.

Он добился того, что узнал адрес хозяек, уехавших в приморское селение на расстоянии одного переезда. По странной случайности в тот же самый вечер Монтальво, также ища покоя и перемены климата, появился в гостинице этого селения, где заявил, что намеревается прожить здесь некоторое время.

Гуляя на следующее утро по взморью, кого он мог встретить, как не фруу Клару ван-Зиль, и никогда еще почтенной даме не приходилось проводить более приятного утра. Так, по крайней мере, она заявила Лизбете, вернувшись со своим кавалером к обеду.

Читатель может догадаться об остальном. Монтальво сделал предложение и получил отказ. Он перенес удар с покорностью судьбе.

– Сознайтесь, – сказал он вкрадливо, – что есть другой, кто счастливее меня.

Лизбета не созналась, но и не отрицала.

– Если он даст вам счастье, я буду рад, – проговорил граф, – но при моей любви к вам я не желал бы видеть вас замужем за еретиком.

– Что вы хотите сказать этим, сеньор? – спросила Лизбета, вспыхнув.

– Я хочу сказать, что, к несчастью, опасаясь, как бы почтенный герр Дирк ван-Гоорль, один из моих друзей, которого я очень уважаю, хотя он и одержал победу надо мной в ваших глазах, не попал в эти злые сети.

– Подобного обвинения нельзя возводить на человека, пока оно не доказано, – серьезно сказала Лизбета. – Даже и тогда... – она запнулась.

– Я буду наводить дальнейшие справки, – отвечал капитан. – Пока же, то есть пока мне не удастся приобрести вашего расположения, я покоряюсь своей участи. А до тех пор прошу вас смотреть на меня как на друга, на преданного друга, готового пожертвовать жизнью, чтобы услужить вам.

С тяжелым вздохом Монтальво сел на своего вороного и вернулся в Лейден, но перед тем он имел маленький разговор наедине с фроу Кларой.

– Вот если б дело шло о старушке, то не трудно было бы все устроить, – рассуждал он на обратном пути, – а для меня, клянусь всеми святыми, было бы все одно, но, к несчастью, все деньги у этой упорной свиньи – голландки. Чего не заставляет делать необходимость поддерживать свое достоинство и положение человека, по своим наклонностям расположенного только к покою и миру! Ну, мой новый друг Лизбета, если ты мне не заплатишь за все мои беспокойства еще раньше двух месяцев, то я не буду Жуан де Монтальво.

Три дня спустя тетка и племянница вернулись в Лейден. Через час после их приезда явился граф и был принят.

– Оставайтесь со мной, – обратилась Лизбета к тетушке Кларе, когда доложили о посетителе; и тетка некоторое время пробыла с ними, но затем под каким-то предлогом исчезла, и Лизбета осталась с глазу на глаз со своим мучителем.

– Зачем вы пришли сюда? – спросила она. – Я ведь уже ответила вам.

– Я пришел в ваших собственных интересах, – отвечал Монтальво, – и этим объясняется мое поведение, которое вы находите странным. Вы помните наш разговор?

– Отлично, – прервала его Лизбета.

– Мне кажется, вы слегка ошибаетесь, ювфроу Лизбета: я говорю о разговоре, касавшемся одного из ваших друзей, которым вы, кажется, интересуетесь в религиозном отношении...

– И что же, сеньор?

– Я навел справки, и...

Лизбета подняла глаза, не будучи в состоянии скрыть своего беспокойства.

– О, ювфроу, позвольте мне посоветовать вам научиться несколько больше владеть собой; открытое детское выражение лица так опасно в наши дни.

– Он мне двоюродный брат...

– Знаю; будь он вам чем-либо большим, я бы очень огорчился; но большинство из нас довольно равнодушно относится к судьбе своих двоюродных братьев...

– Перестанете ли вы шутить, сеньор?..

– И заговорю о деле? Сию минуту. Итак, наведенные мною справки убедили меня, что этот почтенный господин – еретик, и самый завзятый. Я сказал «справки», но их мне даже не было надобности наводить... На него...

– Донесли? – прервала Лизбета.

– Ах, ювфроу, опять это волнение, из которого можно вывести всевозможные заключения. Да, на него донесли, как на отступника, но, к счастью, донесли только мне одному. Моя обязанность, к моему сожалению, арестовать его сегодня вечером... вы хотите сесть, позвольте предложить вам стул, но я не сделаю этого лично. Я предполагаю передать его почтенному Рюарду Тапперу, папскому инквизитору; вы, вероятно, слышали о нем: его все знают. Он придет в Лейден на будущей неделе и, вероятно, не станет долго возиться с этим делом.

– Что сделал Дирк? – спросила Лизбета тихо, опустив голову, чтобы скрыть волнение, отразившееся на ее лице.

– Что сделал? Мне просто страшно выговорить: несчастный заблуждающийся молодой человек с одним товарищем, личность которого свидетель не мог удостоверить, в полночь читал Библию...

– Что же в этом дурного?

– Ш-ш! Разве и вы еретичка? Разве вы не знаете, что вся ересь проистекает из чтения Библии? Видите ли, Библия очень странная книга. Непосвященные люди не всегда правильно понимают ее. Совсем другое, когда ее читают духовные. Точно так же есть много церковных учений, которых светский не найдет в Библии и которые для посвященного ясны как солнце...

– Вы, кажется, хотите убедить меня... – начала было с горечью Лизбета.

– Ш-ш! Хочу убедить вас быть ангелом...

Наступила пауза.

– Что с ним будет? – спросила Лизбета.

– После мучительного предварительного следствия с целью открытия его сообщников, я думаю, его сожгут на костре, а может быть, как пользующийся привилегиями города Лейдена, он отделается только тем, что его повесят.

– И нет спасения?

Монтальво отошел к окну и, взглянув на улицу, заметил, что, кажется, будет снег. Затем вдруг он круто повернулся и, смотря в упор в лицо Лизбеты, спросил:

– Вы в самом деле принимаете участие в этом еретике и желаете спасти его?

Лизбета сразу поняла, что теперь Монтальво не шутит. Шутливый, насмешливый тон исчез. Голос ее мучителя звучал серьезно и холодно: это был голос человека, делающего большую ставку и намеревающегося выиграть ее.

Она тоже оставила всякие уловки.

– Да, я принимаю в нем участие и желаю спасти его, – отвечала она.

– Это можно сделать... но заплатить надо...

– Чем? Сколько...

– Вашим замужеством со мною через три недели.

Лизбета слегка вздрогнула, затем затихла.

– Не достаточно ли было бы одного моего состояния? – спросила она.

– Какое бедное вознаграждение вы предлагаете мне, – сказал Монтальво, возвращаясь к своему насмешливому тону, и прибавил: – Я мог бы принять во внимание это предложение, если бы не существовало бессмысленного закона вашей страны, по которому для вас почти невозможно передать крупную сумму, заключающуюся главным образом в недвижимом имуществе, иначе как вашему мужу. Вследствие этого мне, к моему сожалению, приходится настаивать на вашем замужестве со мной.

Лизбета молчала. Монтальво, наблюдавший за ней, снова видел признаки возмущения и отчаяния. Он видел, что нравственное и физическое отвращение к нему готово взять верх над ее страхом за Дирка. Если он сильно не ошибался, Лизбета была готова отвергнуть его, что, само собой разумеется, было бы ему крайне неприятно, так как его денежные ресурсы совершенно иссякли. На основании же тех недостаточных улик, которые имелись у него, он не осмелился бы действовать против Дирка, опасаясь создать себе тысячу влиятельных врагов.

– Какая странная ирония обстоятельств, что мне приходится являться ходатаем соперника, – сказал капитан. – Но, Лизбета ван-Хаут, прежде чем отвечать мне, прошу вас подумать. От следующего движения ваших губ будет зависеть, придется ли этим глазам, которые вам так нравятся, слепнуть в ужасном мраке темницы; придется ли этому телу, которое вы так любите, быть поднятым на дыбу или жариться и трещать на костре, или, наоборот, ничего подобного не случится, и молодой человек уедет отсюда свободным, унося в сердце на месяц

или на два горечь и некоторое озлобление на женское непостоянство, что не помешает ему впоследствии жениться на какой-нибудь богатой и почтенной еретичке. Вряд ли вы можете колебаться в своем выборе. Где же после того тот дух женского самоотречения, о котором мы так много слышим? Выбирайте же...

Ответа все еще не было. Монтальво решил пустить в ход свой козырь и вынул из бокового кармана, по-видимому, официальный документ, скрепленный подписью и печатью.

– Это сообщение неподкупному Рюарду Тапперу. Смотрите, здесь написано имя вашего кузена. Мой слуга ждет моего приказа у вас на кухне. Если вы станете еще дольше колебаться, я позову его и в вашем присутствии поручу ему передать эту бумагу курьеру, отправляющемуся сегодня вечером в Брюссель. Раз отдав приказание, я уже не могу вернуть его, и приговор Дирку будет подписан.

Лизбета начала колебаться.

– Что мне делать? – сказала она. – До сих пор я еще не невеста Дирка, и причина этому может быть именно та, которую я сейчас узнала. Но он любит меня и знает, что я люблю его. Неужели же, потеряв его, я, кроме того, должна помириться с мыслью, что он будет считать меня не более как легкомысленной ветреницей, которую ослепили ваши ухищрения и наружный блеск? Нет, я скорее убью себя!

Снова Монтальво направился к окну, так как этот намек на самоубийство не был ему по вкусу. Жениться на мертвой нельзя, да вряд ли и Лизбета вздумает оставить завещание в его пользу. Казалось, что больше всего ее беспокоило опасение, как бы молодой человек не нашел ее поведение легкомысленным. Почему бы ей не объяснить Дирку причину ее отказа ему, которую он первый должен был бы признать вполне уважительной? Может ли она, католичка, выйти замуж за еретика, и нельзя ли довести Дирка до того, чтобы он сам сказал Лизбете, что он еретик?

И вдруг сам собой явился ответ на этот вопрос. Сами святые, желая сохранить драгоценную жемчужину в лоне истинной Церкви, решили помочь Монтальво: на улице показался Дирк ван-Гоорль, направлявшийся к дому Лизбеты. Он шел одетый в свое лучшее бюргерское платье, задумчивый, несмелыми шагами – олицетворение робкого, нерешительного ухажера.

– Лизбета ван-Хаут, – обратился Монтальво к хозяйке, – случайно Дирк ван-Гоорль в настоящую минуту у вашей двери. Вы примете его и так или иначе уладите дело. Я хочу указать вам, что напрасно было бы оставлять молодого человека в убеждении, что вы дурно поступили с ним. Необходимо лишь спросить его – вашей ли он веры или нет. Насколько я знаю, он не станет лгать перед вами. Тогда вам останется только сказать ему, что как вам это ни прискорбно, но вы не можете выйти за еретика. Вы понимаете меня?

Лизбета наклонила голову.

– В таком случае, слушайте. Вы примете вашего поклонника, выслушаете его предложение – он, несомненно, направляется сюда, чтобы сделать его, – и, прежде чем дать ему ответ, спросите его о вере. Если он сознается, что еретик, вы откажете ему в такой мягкой форме, в какой только вам угодно. Если же он ответит, что он верный слуга Церкви, вы скажете, что до вас дошли иные слухи и что вы должны навести справки. Помните также, что если вы хоть на йоту отступите от моих предписаний, то вы в последний раз видели Дирка – разве что вам вздумается присутствовать при его казни. Если же вы послушаетесь и окончательно откажете ему, то, как только дверь затворится за ним, я брошу эту бумагу в огонь и пообещаю вам, что свидетельство, на котором она основывается, навеки лишилось значения, и все дело кончено.

Лизбета вопросительно взглянула на него.

– Я вижу, вы недоумеваете, как я буду знать, что вы сделаете или чего не сделаете. Но я буду безгласным, хотя внимательным свидетелем вашего свидания. Эта дверь закрыта портьерой; вы разрешите мне – будущий муж может воспользоваться этим небольшим снисхождением с вашей стороны – постоять за ней.

– Никогда! – воскликнула Лизбета. – Я не могу поступить так низко. Я запрещаю вам делать это.

В эту минуту послышался стук у двери на улицу. Взглянув на Монтальво, Лизбета во второй раз увидела тот же взгляд, как в решительную минуту санного бега. Вся веселость капитана, все беззаботное добродушие исчезли. На их место выступило отражение самых сокровенных сторон характера этого человека – основание, на котором зиждилось ложное, изукрашенное здание, которое он показывал свету. Лизбета снова увидела сверкающие глаза и оскаленные зубы испанского волка – дикого зверя, готового грызть и терзать, если только представится случай насытиться мясом, которого жаждала его душа.

– Не вздумайте играть со мной шутки или торговаться, – сказал он, – теперь некогда. Делайте, как я вам сказал, иначе на ваших руках будет кровь этого псалмопевца. И не вздумайте натравить его на меня: у меня есть шпага, а он безоружен. В случае необходимости еретик, как вам известно, может быть убит на глазах у всех должностным лицом. Когда доложат о нем, подойдите к двери и прикажите принять его.

С этими словами, взяв свою шляпу с плюмажем, которая могла выдать его, Монтальво скрылся за портьерой.

С минуту Лизбета простояла, раздумывая. Но, увы! Она не видела исхода: она была в тисках, с веревкой на шее. Ей предстояло или повиноваться, или обречь любимого человека на ужасную смерть. Она решилась ради него уступить, прося у Бога прощения и отмщения за себя и Дирка.

Раздался стук у двери. Лизбета отворила.

– Герр ван-Гоорль внизу и желает видеть вас, барышня, – послышался голос Греты.

– Просите, – отвечала Лизбета и, отойдя к стулу, почти на середине комнаты, села.

Вскоре на лестнице раздались шаги Дирка, эти знакомые, дорогие шаги, к которым она часто так жадно прислушивалась. Дверь снова отворилась, и Грета доложила:

– Герр ван-Гоорль!

Исчезновение капитана Монтальво, во-видимому, удивило служанку, потому что она изумленно обводила комнату глазами, но выдержка или хороший подарок со стороны испанца заставили ее удержаться от выражения своих чувств. Грета знала, что господа, подобные графу, имеют способность исчезать при случае.

Таким образом Дирк вошел в роковую комнату, как ничего не подозревающее создание, идущее в западню. Ему и в голову не могло прийти, чтобы девушка, которую он любил и к которой пришел теперь свататься, могла служить приманкой, чтобы погубить его.

– Садитесь, кузен, – сказала Лизбета таким странным и натянутым тоном, что Дирк невольно взглянул на нее.

Но он ничего не увидел, так как она сидела, отвернувшись в другую сторону, да и сам он был слишком занят своими мыслями, чтобы быть зорким наблюдателем. Очень много потребовалось бы, чтобы пробудить в простодушном и открытом по своему характеру Дирке подозрение в доме и в присутствии любимой им девушки.

– Здравствуйте, Лизбета, – проговорил он застенчиво. – Отчего ваша рука так холодна?.. Я уже несколько раз заходил к вам, но вы уехали, не оставив адреса.

– Мы с тетушкой Кларой ездили к морю, – прозвучало в ответ.

На некоторое время, минут на пять или даже больше, завязался натянутый, отрывистый разговор.

«Неужели этот хомяк никогда не доберется до главного? – рассуждал Монтальво, наблюдая за Дирком через щель. – Боже мой, какой у него глупый вид!»

– Лизбета, – сказал наконец Дирк, – мне надо переговорить с вами.

– Говорите, кузен, – отвечала Лизбета.

– Лизбета! Я... я люблю вас давно и пришел теперь просить вас выйти за меня. Я откладывал это предложение в продолжение года или больше по причинам, которые вы узнаете впоследствии, но я не могу молчать дольше, особенно теперь, когда я вижу, что вашу благосклонность старается приобрести гораздо более изящный господин, чем я, – я говорю об испанском графе Монтальво, – добавил он с ударением.

Лизбета ничего не отвечала, и Дирк продолжал изливаться в словах, становившихся все убедительнее и сильнее и, наконец, дошедших до настоящего красноречия. Он говорил, как с самой первой встречи полюбил ее одну, и теперь имеет одно только желание в жизни: сделать ее счастливой и быть самому счастливым с ней. Далее он начал было развивать свои планы на будущее, но Лизбета остановила его.

– Простите, Дирк, но я должна задать вам один вопрос, – начала она.

Голос ее прерывался от сдерживаемых рыданий, однако, сделав усилие, она продолжала:

– До меня дошли слухи, которые нуждаются в разъяснении. Я слышала, Дирк, что вы по своей вере принадлежите к так называемым еретикам. Правда это?

Он колебался, прежде чем ответить, сознавая, как много зависит от этого его ответа; но колебание продолжалось всего минуту, так как Дирк был слишком честен, чтобы солгать.

– Лизбета, – сказал он, – я скажу вам то, чего не сказал бы ни одному живому существу на свете, даже брату; но примете ли вы мое предложение, или отвергнете его, говоря с вами, я уверен, что нахожусь в такой же безопасности, как тогда, когда, преклонив колени, беседую с Господом, которому служу. Да, я действительно, как вы называете, еретик. Я последователь этой истинной веры, в которую надеюсь обратить и вас, но которую насильно никогда не стану навязывать вам. Именно это обстоятельство так долго удерживало меня от объяснения с вами: я не знал, имею ли я право просить вас связать при настоящем положении вещей вашу судьбу с моею и могу ли я жениться на вас, если вы будете согласны, сохранив свою тайну про себя. Только вчера вечером мне дали совет – кто, это все равно, – и мы помолились вместе, вместе стали искать ответа на мой вопрос в слове Божиим. По неисповедимому милосердию Господа я нашел этот ответ и разрешение всех моих сомнений: великий св. Павел предвидел подобный случай – в его писаниях все случаи предвидены, – и я прочел, как неверующая жена освящается мужем, а неверующий муж – женою. После того все стало для меня ясно, и я решился говорить с вами. Теперь, дорогая, я высказался и ваша очередь ответить мне.

– Дирк, дорогой Дирк! – вырвалось у Лизбеты почти с криком, – ужасен ответ, который я должна дать вам. Откажитесь от своего заблуждения, покайтесь, примиритесь с Церковью, и я выйду за вас. Иначе это невозможно, хотя я люблю вас и никого другого всем своим сердцем и телом...

Тут в ее голосе зазвучала страстная энергия.

– Но иначе я не могу, не могу быть вашей.

Дирк слушал и побледнел как полотно.

– Вы требуете от меня единственного, чего я не могу дать, – сказал он. – Даже ради вас я не могу отречься от своего обета и поклонения Богу по моему разумению. Хотя прощение с вами убивает меня, но я отвечаю вам вашими же словами: «Не могу, не могу!»

Лизбета взглянула на него и была поражена: до чего преобразились, приобретя почти сверхчеловеческое просветленное выражение, его честные грубые черты и коренастая массивная фигура при этом страстном отречении. В эту минуту этот некрасивый голландец, по крайней мере на ее взгляд, походил на ангела. Она заскрежетала зубами и прижала руки к сердцу. «Ради него, ради его спасения», – прошептала она и потом сказала вслух:

– Я вас уважаю и люблю за это признание еще больше, но, Дирк, между нами все кончено. Когда-нибудь, здесь на земле или в другой жизни, вы поймете все и простите.

– Пусть будет так, – глухо проговорил Дирк, отыскивая рукой шляпу, так как не видел ничего. – Станный ответ на мою просьбу, очень странный ответ, но, конечно, вы имеете пол-

ное право следовать своим убеждениям так же, как я имею право следовать моим. Мы оба должны нести свой крест, дорогая Лизбета, вы сами видите, что должны. Об одном только я попрошу вас: я говорю не как человек, ревнующий вас, потому что во мне затронута нечто высшее, чем ревность, но как друг, каким, что бы ни случилось в жизни, я всегда останусь для вас: остерегайтесь этого испанца Монтальво. Я знаю, он хочет жениться на вас. Он человек злой, хотя вначале и очаровал меня. Я чувствую это: его присутствие как бы отравляет воздух, которым я дышу. Но я был бы рад, если б он услышал это, так как убежден, что все это дело его рук, но и его час настанет: за все ему оплатится в здешней жизни или в будущей. А теперь прощайте, да благословит и защитит вас Бог, дорогая Лизбета. Если вы считаете замужество со мной грехом, то вы правы, отказывая мне, и я убежден, что вы никому не выдадите мою тайну. Еще раз: прощайте!

Взяв руку Лизбеты, Дирк поцеловал ее и шатаясь вышел из комнаты.

Лизбета же бросилась плашмя на пол и в отчаянии билась о него головою.

Когда дверь затворилась за Дирком, Монтальво вышел из-за занавеси и остановился над лежащей на полу Лизбетой. Он пытался принять свой прежний легкий саркастический тон, но подслушанная им сцена потрясла его и даже несколько испугала, так как он чувствовал, что вызвал к жизни страсти, силу и последствия которых нельзя было заранее предвидеть.

– Bravo, моя актрисочка, – начал было он, но тотчас же перешел в другой тон и заговорил естественным голосом. – Теперь лучше встаньте и посмотрите, как я сожгу эту бумагу.

Лизбета с трудом приподнялась на колени и видела, как он бросил документ в пылающий камин.

– Я исполнил свое обещание, – сказал Монтальво, – это наказание уничтожено, но на тот случай, если б вы вздумали провести меня и не сдержать своего слова, помните, что у меня есть новые и более веские доказательства, ради получения которых мне, правда, пришлось прибегнуть к способу, не вполне согласному с моим обыкновенным поведением. Я собственными ушами слышал, как этот господин, имеющий такое дурное мнение обо мне, признался, что он еретик. Этого достаточно, чтобы сжечь его когда угодно, и я клянусь, если через три недели вы не будете моей женой, он умрет на костре.

В то время как он говорил, Лизбета медленно поднялась на ноги. Теперь она смотрела на Монтальво, но это была уже не прежняя Лизбета, а совершенно новое существо – как чаша, до краев переполненная злобой, тем более ужасной, что она была совершенно спокойна.

– Жуан де Монтальво, – заговорила Лизбета тихим голосом, – ваша злость победила, и ради Дирка я должна пожертвовать собою и своим состоянием. Пусть будет так, если суждено. Но слушайте: я не предсказываю вам, не говорю, что с вами случится то-то или то-то, но я призываю на вас проклятие Божие и презрение людское.

Подняв руки, она начала молиться.

– Господи, Тебе угодно было наложить на меня судьбу, худшую, чем смерть, но помрачи душу и разум этого чудовища. Пусть он отныне не знает ни одного мирного часа, пусть я и все мое принесет ему несчастье; пусть во сне его преследует страх; пусть он живет в тяжелой работе и умрет в нищете кровавой смертью также через меня. А если я рожу ему детей, пусть и они будут прокляты!

Она замолкла. Монтальво смотрел на нее и пытался говорить, но не мог произнести ни слова. И вдруг он почувствовал страх перед Лизбетой ван-Хаут, тот страх, который уже не покидал его всю последующую жизнь. Он обернулся и крадучись вышел из комнаты; лицо его вдруг постарело, и, несмотря на весь успех, он никогда не чувствовал такой тяжести на сердце, будто Лизбета была ангелом, посланным свыше, чтобы возвестить ему его проклятие.

Глава VII. К Гендрику Бранту приходит гостья

Прошло девять месяцев, и уже больше восьми из них с тех пор, как Лизбета ван-Хаут стала именоваться графиней Жуан де Монтальво. В ее титуле не могло быть сомнения, так как она была обвенчана с некоторой пышностью в присутствии многочисленных зрителей епископом в Грооте-кирке. Все очень дивились этой поспешной свадьбе, хотя некоторые из наиболее недоброжелательных пожимали плечами, говоря, что для девушки, скомпрометировавшей себя прогулками наедине с испанцем и брошенной женихом, самым лучшим было поспешить выйти замуж.

Таким образом, эта пара, составившая довольно красивую группу перед алтарем, была обвенчана и наслаждалась выпавшим ей на долю супружеским счастьем в роскошном доме Лизбеты на Брее-страат. Здесь молодые жили почти одни, потому что соотечественники и соотечественницы Лизбеты выказали свое неодобрение ее поведению, сторонясь ее, а Монтальво, по своим соображениям, не особенно радушно приглашал к себе испанцев. Слуги были переменены, тетушка Клара и Грета также исчезли. Убедившись в их коварном поведении по отношению к ней, Лизбета еще до замужества попросила их обеих оставить ее дом.

Понятно, что после событий, повлекших за собой этот брак, Лизбета не находила особенного удовольствия в обществе своего мужа. Она не была из тех женщин, которые покорившись браку, заключенному насильно или обманом, даже способны полюбить руку, лишившую ее свободы. С Монтальво она говорила редко, даже после первых недель замужества редко виделась с ним. Он скоро понял, что его присутствие ненавистно жене, и со своей обычной находчивостью сумел извлечь из этого для себя выгоду. Другими словами, Лизбета ценою своего богатства покупала себе свободу; даже была установлена правильная такса: столько-то за неделю свободы, столько-то за месяц.

Монтальво был доволен подобным соглашением, потому что в душе он боялся этой женщины, красивое лицо которой застыло в одном выражении вечной ненависти. Он не мог забыть того ужасного проклятия, которое глубоко запечатлелось в его суеверном уме и жило там, так как действительно он со времени произнесения проклятия не знал ни одного часа покоя: день и ночь его преследовал страх, что его убьет жена.

И действительно, если когда-либо смерть смотрела из глаз женщины, то она смотрела из глаз Лизбеты, и Монтальво казалось, что ее совесть не смутится подобным делом, что она увидит в нем возмездие, а не убийство. Ему становилось страшно при этой мысли. Каково будет в один прекрасный день, выпив вина, почувствовать, что огненная рука терзает твою внутренность, потому что в кубке был яд, или, еще хуже того, проснуться ночью и ощутить стилет, вонзившийся тебе в хребет. Не удивительно после того, что Монтальво спал один и всегда тщательно запирали дверь.

Однако он напрасно принимал подобные предосторожности: что бы ни говорили глаза Лизбеты, она не имела намерения убивать этого человека. В своей молитве она передала это дело в руки Высшей власти и намеревалась оставить его в них, вполне уверенная, что возмездие может быть отсрочено, но в конце концов постигнет виновного. Что же касается денег, то она беспрепятственно отдавала их. С самого начала она инстинктивно чувствовала, что ее мужем руководила не любовь, но исключительно коммерческий расчет, в чем скоро вполне убедилась, и ее надеждой, величайшей надеждой стало, что раз ее богатство иссякнет, муж не станет дольше удерживать ее.

«Речной бобр не любит жить в сухой норе», – говорит голландская пословица.

Но какие то были месяцы, какие ужасные месяцы! Время от времени Лизбета видела мужа, когда ему бывали нужны деньги, и каждую ночь слышала, как он возвращался домой, иногда нетвердыми шагами. Два или три раза в неделю она также получала приказание приго-

товить роскошный обед для мужа и человек шести или восьми его товарищей, а затем начиналась крупная игра. После таких вечеров в доме появлялись странные люди, между которыми часто бывали евреи, и ждали, пока Монтальво не встанет, а иногда ловили его, когда он пытался проскользнуть из дома черным ходом. Лизбета узнала, что то были ростовщики, желавшие получить уплату по старым долгам. При таких обстоятельствах ее значительное, но не такое большое состояние быстро таяло. Скоро денег уже не стало, затем были проданы паи в некоторых кораблях, наконец, имение и дом заложены.

Время между тем шло.

Почти тотчас после отказа Лизбеты Дирк ван-Гоорль уехал из Лейдена и вернулся в Алькмаар, где жил его отец. Двоюродный же брат его и друг, Гендрик Брант, остался в Лейдене для изучения золотых дел мастерства под руководством знаменитого мастера по филигранным работам, известного под именем Петруся.

Однажды утром Гендрик сидел у себя в комнате, когда ему сказали, что его спрашивает женщина, не желающая сказать своего имени. Побуждаемый более любопытством, чем другими мотивами, он приказал впустить посетительницу. Когда она вошла, он, к своему огорчению, узнал в этой костлявой черноглазой женщине одну из тех, против которых его предостерегали старшие его единовверцы как против шпионки, употребляемой папскими инквизиторами для добывания улик против еретиков и известной под именем Черный Мег.

– Что вам нужно от меня? – мрачно спросил Брант.

– Ничего, что могло бы повредить вам, почтенный господин. О, я знаю, какие сказки рассказывают про меня, хотя я честным образом зарабатываю пропитание себе и своему несчастному полоумному мужу. Он имел несчастье последовать однажды за этим сумасшедшим анабаптистом, Иоанном лейденским, провозглашенным королем и проповедовавшим, что человек может иметь столько жен, сколько ему вздумается. Вот на этом-то и помешался мой муж, но, благодарение святым, он потом раскаялся в своих заблуждениях и примирился с Церковью и христианским браком, а я, от природы незлопамятная, должна поддерживать его.

– Зачем вы пришли? – снова спросил Брант.

– Мейнгерр, – заговорила она, понизив свой хриплый голос, – вы друг графини Монтальво, прежней Лизбеты ван-Хаут?

– Нет, я только знаком с ней, не больше.

– По крайней мере вы были другом герра Дирка ван-Гоорля, уехавшего из этого города в Алькмаар, ее бывшего любовника.

– Да, я ему двоюродный брат, но он не был любовником ни одной замужней женщины.

– Нет, конечно, а разве любовь не может проглядывать через подвенечную вуаль? Ну, одним словом, вы его друг, стало быть, вероятно, и ее, а она несчастлива.

– В самом деле? Я не знаю ничего о ее теперешней жизни, она пожинает то, что посеяла. Тут уж нечего больше делать.

– Может быть, еще и найдется кое-что. Я думала, что Дирка ван-Гоорля может это интересовать.

– Почему? Торговцам сельдями нет дела до сгнивших сельдей: они списывают убытки и посылают за свежим запасом.

– Первая рыба, которую мы поймаем, для нас всегда самая лучшая, мейнгерр, а если нам не удалось вполне изловить ее, то какой чудной она нам кажется!

– Мне некогда отгадывать ваши загадки. Что вам от меня надо? Говорите или убирайтесь, только поскорее.

Черная Мег наклонилась вперед и зашептала:

– Что бы вы мне дали, если бы я вам доказала, что капитан Монтальво вовсе не женат на Лизбет ван-Хаут?

– Для вас не интересно, что бы я дал вам, так как я сам видел, как ее венчали.

– То, что как будто делается на наших глазах, не всегда происходит на самом деле.

– Довольно с меня. Убирайтесь!

Брант показал на дверь.

Черная Мег не шевельнулась, а только вынула из-за пазухи небольшой сверток и положила его на стол.

– Может иметь человек двух живых жен зараз? – спросила она.

– По закону – нет.

– Сколько дадите, если я докажу, что у капитана Монтальво две жены?

Брант начал интересоваться словами Мег. Он ненавидел Монтальво, догадываясь, даже кое-что зная о его роли в этой постыдной истории, и знал также, что окажет Лизбет истинную услугу, освободив ее от мужа.

– Положим, двести флоринов, если вы докажете это.

– Мало, мейнгерр.

– Больше я не могу дать, но помните: раз обещаю, я плачу.

– Да, правда, другие обещают и не платят, мошенники! – прибавила Мег, ударяя костлявым кулаком по столу. – Хорошо, я согласна и не прошу задатка, потому что вы, купцы, не то, что дворяне, ваше слово – все равно что расписка. Ну, прочтите это.

Она развернула сверток и подала его содержимое Бранту.

За исключением двух миниатюр, которые Гендрик отложил в сторону, это были письма, написанные по-испански очень изящным почерком. Брант хорошо знал испанский язык и в двадцать минут прочел все. Письма оказались посланиями женщины, подписывавшейся «Жуанита де Монтальво», к мужу. Это были грустные документы, повествовавшие тяжелую историю бессердечно покинутой женщины, полные мольбы со стороны писавшей их и ее детей о возвращении мужа и отца или, по крайней мере, о доставлении им средств к жизни, так как семья находилась в крайней бедности.

– Все это очень печально, – сказал Брант, с грустью смотря на портрет женщины и детей, – но еще ничего не доказывает, каким образом мы можем узнать, что она жена этого человека?

Черная Мег снова сунула руку за пазуху и вынула письмо, помеченное не более чем тремя месяцами тому назад. Оно было написано священником того села, где жила графиня, и адресовано графу дон Жуану де Монтальво, капитану в Лейдене. Это письмо заключало в себе серьезное обращение к благородному графу от человека, имеющего право говорить, потому что он крестил, учил и, наконец, венчал графа; священник просил выслать вспомоществование графине на его имя.

«До нас здесь, в Испании, достиг возмутительный слух, – заканчивал он свое письмо, – будто вы женились на нидерландке из Лейдена по фамилии ван-Хаут; но я не верю этому: никогда бы вы не решились на такое преступление перед Богом и людьми. Напишите же скорее, сын мой, и рассейте черное облако сплетен, собирающееся над вашим почтенным, древним именем».

– Откуда у вас эти бумаги? – спросил Брант.

– Последнее письмо я получила от священника, привезшего его из Испании. Я встретила с ним в Гааге и предложила ему передать письмо, так как у него не было надежного средства переслать его в Лейден. Другие бумаги я украла из комнаты Монтальво.

– В самом деле? Честная работница! А как вы попали в комнату его сиятельства?

– Я скажу вам это, – отвечала она, – ведь он не заплатил мне, стало быть, мой язык развязан. Он желал иметь доказательства, что герр Дирк ван-Гоорль еретик, и поручил мне добыть их.

Лицо Бранта приняло жесткое выражение, и он насторожился.

– Зачем ему были эти доказательства?

– Чтобы, воспользовавшись ими, помешать ювфроу Лизбет ван-Хаут выйти за Дирка ван-Гоорля.

– Каким образом?

Мег пожала плечами.

– Должно быть, он надеялся, что Лизбета, узнав секрет ван-Гоорля, откажет ему, или, что еще вероятнее, намеревался пустить в ход угрозу предать ее возлюбленного в руки инквизиции, если девица станет упорствовать.

– Понимаю. Что же, вы добыли доказательства?

– Я однажды ночью спряталась в спальне Дирка и через щель в двери подсмотрела, как он и еще другой молодой человек, которого я не знаю, вместе читали Библию и молились.

– Вот как! Немалому риску вы подвергали себя: ведь если бы Дирк или его товарищ увидели вас, вам вряд ли удалось бы живой уйти из дома. Вы знаете, еретики считают себя вправе убить шпиона, попавшегося на месте преступления, и, правду говоря, я не осуждаю их. Будь я в таком положении... – он нагнулся вперед и пристально взглянул ей в глаза, – я не задумался бы разmozжить вам голову, как какой-нибудь крысе.

Черная Мег отшатнулась, и губы ее посинели.

– Правда, мейнгерр, рискованное это дело, и бедные слуги Божии подвергаются большим опасностям. Другому-то молодому человеку нечего было бояться: мне не платили, чтобы я следила за ним, и, как я уже сказала, я даже не знаю, кто он, и не интересуюсь узнать.

– Кто знает, может быть, это счастье для вас, особенно, если бы ему вдруг пришлось в голову узнать, кто вы. Но это ведь нас не касается теперь! Давайте бумаги. Вы хотите получить прежде деньги? Хорошо!

Брант подошел к шкафу и, вынув маленький стальной ящичек, отпер его. Взяв из него условленную сумму, он снова запер его.

– Напрасно вы так всматриваетесь в этот ящичек, – сказал он, – его уже завтра не будет здесь и вообще в этом доме. Насколько я мог понять, Монтальво не заплатил вам.

– Ни одного стивера! – отвечала она с внезапным приступом бешенства. – Низкий вор, обещался заплатить мне после женитьбы, но вместо того чтобы наградить ту, которая помогла ему сесть в теплое гнездо, он теперь уже промотал все состояние жены до последнего флорина, играя и уплачивая неотложные долги, так что в настоящее время она, я думаю, почти нищая.

– Хорошо, – отвечал Брант, – а теперь прощайте, а если мы встретимся в городе, то заметьте себе, я вас не знаю. Понимаете?

– Понимаю, мейнгерр, – отвечала Черная Мег с усмешкой и исчезла.

Когда она ушла, Брант встал и отворил окно.

– Отравила весь воздух, – проговорил он. – Но, кажется, я напугал ее, и мне нечего бояться. Впрочем, кто знает? Она видела, как я читал Библию, и Монтальво знает это. Но с тех пор прошло уже довольно времени; я должен воспользоваться тем, что у меня в руках.

Действительно, кто знает?..

Взяв с собой портреты и документы, Брант отправился к своему другу и единоверцу, Питеру ван-де-Верфу, также другу Дирка и двоюродному брату Лизбеты, молодому человеку, об уме и способностях которого Гендрик был очень высокого мнения. Следствием этого свидания было то, что в тот же вечер молодые люди уехали в Брюссель, резиденцию правительства, где у них были очень влиятельные друзья.

Достаточно вкратце сообщить результат их путешествия. Как раз в это время нидерландское правительство по особым причинам желало жить в мире с горожанами, и власти, узнав о возмутительном обмане, жертвой которого сделалась знатная девица, известная как хорошая католичка, причем целью было завладеть ее состоянием, вспыхнули негодованием. Немедленно был отдан приказ, подписанный рукой, которой никто не мог противиться – так глубоко несчастье одной женщины потрясло другую, – приказ об аресте и о строгом допросе графа

Монтальво, как если б он был простой преступник-нидерландец. Так как у капитана было много врагов, то и не нашлось никого, кто бы стал хлопотать об отмене королевского указа.

Три дня спустя после этих событий Монтальво велел сказать жене, что он будет ужинать один дома и желает, чтобы она присутствовала за ужином. Лизбета повиновалась и встретила мужа, сидя на противоположном конце стола, откуда время от времени поднималась, сама прислуживая ему. Наблюдая за ним своими спокойными глазами, она заметила, что ему не по себе.

– Чего же ты все молчишь? – спросил он наконец раздраженно. – Ты, вероятно, воображаешь, что чрезвычайно весело ужинать с женой, у которой вид, как у трупа в гробу? Невольно пожелаешь, чтобы это случилось на самом деле.

– Я уже давно желаю, – отвечала Лизбета.

И снова водворилось молчание. Однако его нарушила Лизбета, спросив:

– Чего тебе надо, денег?

– Конечно, денег, – ответил он яростно.

– Денег больше нет: все истрачены, и нотариус говорит, что никто не дает больше ни одного стивера под дом. Все мои бриллианты также проданы.

Он взглянул на ее руку и сказал:

– У тебя есть еще это кольцо.

Лизбета также взглянула на кольцо. То был золотой перстень, украшенный довольно ценными бриллиантами, подаренный ей мужем перед свадьбой. Монтальво постоянно настаивал, чтобы она носила его. В действительности же кольцо было куплено на деньги, занятые графом у Дирка.

– Возьми его, – отвечала Лизбета, улыбаясь в первый раз, и, сняв перстень с пальца, подала его мужу.

Протянув руку, чтобы взять его, Монтальво отвернулся, желая скрыть отразившийся на его лице стыд, который даже он не мог не почувствовать.

– Если у тебя родится сын, – заговорил он, – то скажи ему, что отец его ничего не мог оставить ему, кроме совета никогда не прикасаться к игральным костям.

– Ты уезжаешь? – спросила она.

– Да, надо уехать недели на две. Меня предупредили, что против меня возбуждено обвинение, которым я не хочу беспокоить тебя. Ты, вероятно, скоро услышишь о нем, и хотя оно несправедливо, но я должен уехать из Лейдена, пока все не уляжется... Я действительно уезжаю.

– Ты собираешься бросить меня, – сказала она, – промотав все мои деньги; собираешься бросить меня в таком положении. Я вижу по твоему лицу.

Монтальво сидел отвернувшись, делая вид, что не слышит.

– Я благодарю Бога за это, – продолжала Лизбета, – и желала бы только, чтобы ты мог унести с собой саму память о себе вместе со всем, что твое.

Она договаривала эти горькие слова, как вдруг дверь отворилась, и вошел один из субалтерн-офицеров в сопровождении нескольких солдат и человека в костюме нотариуса.

– Что такое? – в бешенстве закричал Монтальво.

Субалтерн-офицер, входя, отдал честь.

– Капитан, простите, но я действую по приказанию: мне предписано арестовать вас живого или мертвого, – добавил он с ударением.

– По какому обвинению? – спросил Монтальво.

– Г-н нотариус прочтет обвинение, – сказал офицер, – но, может быть, графине угодно будет удалиться? – спросил он, конфузясь.

– Нет, – сказала Лизбета, – дело может касаться меня.

– К несчастью, я боюсь, что да, сеньора, – заговорил нотариус.

Затем он приступил к чтению документа, длинного и написанного канцелярским слогом. Но Лизбета быстро все поняла. Ей с самого начала стало ясно, что она незаконная жена графа Жуана де Монтальво и что против него возбуждено преследование за обман ее и за преступление против Церкви. Следовательно, она свободна, свободна! Она зашаталась и без чувств упала на пол.

Когда ее глаза снова открылись, Монтальво, офицер, нотариус, солдаты – все исчезли.

Глава VIII. Стойло Кобылы

Когда Лизбета очнулась в этой пустой комнате, ее первым чувством было чувство необузданной радости. Она свободна, она уже не жена Монтальво, никогда больше она не будет принуждена сносить его прикосновение. Таковы были ее первые мысли. Она не сомневалась, что все слышанное ею правда: иначе, что могло бы побудить власти к преследованию Монтальво? Теперь Лизбета получила ключ к объяснению тысячи вещей, которые были незначительны сами по себе, но во всей своей массе образовывали несомненную улику виновности капитана. Не упоминал ли он сам об обязательствах, существующих у него в Испании, и о детях? Не случилось ли ему во сне... Впрочем, бесполезно припоминать все это. Она свободна, вот еще до сих пор лежит на столе символ их союза: изумрудное кольцо, которое должно было доставить Монтальво возможность бежать, скрыться от преследования, грозившего ему, как он знал. Лизбета схватила перстень, бросила его на пол и топтала ногами. После того, упав на колени, она молилась и благодарила Бога и наконец, совершенно изнеможенная, легла отдохнуть.

Настало утро: чудное, тихое осеннее утро, но теперь, когда вчерашнее возбуждение улеглось, у Лизбеты было тяжело на сердце. Она встала и помогла единственной оставшейся в доме служанке приготовить завтрак, не обращая внимания на взгляды, которые девушка искоса бросала на нее. После того она пошла на рынок, чтобы истратить на необходимое несколько из последних оставшихся у нее флоринов.

На улице она заметила, что служит предметом внимания, так как встречавшиеся с ней толкали друг друга, указывая на нее. Когда, смущенная, она поспешила домой, до ее тонкого слуха долетел разговор двух простых женщин, шедших за ней.

– Попалась, – говорила одна из женщин.

– Поделом ей, – отвечала другая, – зачем гонялась за испанским доном и женила его на себе.

– Еще хорошо, что удалось. Ей ничего больше не оставалось делать, – перебила первая, – концы надо хоронить скорее.

Оглянувшись, Лизбета увидела, как они пальцами зажимали носы, будто стараясь предохранить себя от дурного запаха.

Тут Лизбета уже не могла дольше выдержать и обратилась к женщинам.

– Злые сплетницы, – бросила она им в лицо и быстро пошла вперед, преследуемая их громким, обидным смехом.

Дома ей сказали, что ее ожидают двое мужчин. Они оказались кредиторами, требовавшими больших денежных сумм, которых Лизбета не была в состоянии заплатить. Она сказала им, что ничего не знает обо всех этих делах. Тогда они показали ей ее собственную подпись на заемных письмах, и она вспомнила, что была принуждена подписывать много подобных документов – все, что ей подавал человек, называвшийся ее мужем, ради приобретения хотя бы кратковременного освобождения от его присутствия. Наконец ростовщики ушли, заявив, что получают свои деньги, хотя бы для этого им пришлось вытащить постель из-под Лизбеты.

После того наступило одиночество и тишина. Ни один друг не пришел утешить бедную женщину. Правда, у нее уже не оставалось друзей, так как по приказанию мужа она прервала знакомство даже с теми, кто после странных обстоятельств, сопровождавших ее замужество, все еще не чуждался ее. Монтальво говорил, что не желает терпеть в своем доме сплетниц-голландок, а последние думали, что Лизбета из гордости прервала всякие сношения с соотечественниками своего круга.

Наступил полдень, но Лизбета не могла проглотить ни куска: уже целые сутки она ничего не ела, судорога сжимала ей горло, а между тем в ее положении ей необходимо было есть. Теперь она начинала чувствовать позор, обрушившийся на нее. Она была замужем и не имела

мужа; скоро ей предстояло сделаться матерью, но каков будет этот ребенок? И что станет с ней самой? Что подумает о ней Дирк, Дирк, ради которого она сделала и перенесла все это? Такие мысли роились в ее голове, когда она весь долгий вечер пролежала в постели, пока у нее не закружилась голова и сознание не покинуло ее. В мозгу ее водворился полный хаос, целый ад беспорядочных грез.

Наконец из всей массы неясных представлений выступило одно видение, одно желание: желание успокоения и полного мира. Но где она могла найти себе успокоение, кроме смерти? Что же, почему и не умереть: Бог простит ей, Матерь Божия будет заступницей за опозоренную несчастную, не способную дольше жить. Даже Дирк отнесется к ней с добротой, когда она умрет, хотя теперь, встретясь он с ней, он, без сомнения, закрыл бы глаза рукой. Ей было страшно жарко, ее мучила жажда. Как прохладна должна быть теперь вода! Что может быть лучше, чем медленно спуститься в нее и предоставить ей сомкнуться над бедной больной головой. Лизбета решила выйти из дому и взглянуть на воду: в этом, во всяком случае, не могло быть ничего дурного.

Она закуталась в длинный плащ, наделв его капюшон на голову, и вышла тихонько из дому, скользя, как привидение в темнеющих улицах, по направлению к порту, куда стража пропустила ее, приняв за крестьянку, возвращающуюся к себе в деревню. Вошла луна, и при ее свете Лизбета узнала местность. Это было то самое место, где она стояла в день карнавала, когда с ней заговорила женщина, прозванная Мартой-Кобылой, и сказала ей, что знала ее отца. По этому льду она неслась в санях Монтальво во время бега. Лизбета пошла вдоль крепостного вала, вспомнив о заросших тростниковых островках, лежавших в нескольких милях отсюда и только изредка посещаемых рыбаками и охотниками, о большом Гаарлемском озере-море, занимавшем многие тысячи акров пространства. Как прохладно и красиво оно должно быть в такую ночь, и как нежно шелестит ветер в камышах, которым поросли берега озера.

Лизбета шла все дальше и дальше, до озера было не близко, но наконец она достигла его, и как хорошо, просторно и тихо было там! Насколько мог охватывать глаз, не было видно ничего, кроме сверкающей воды с чернеющим тростником островками. Только лягушки квакали в тростнике да кричала выпь. А на озере плавали дикие утки, оставляя за собой длинные серебряные полосы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.